

НАШИ ТАМ

РУСЛАН ШАБЕЛЬНИК

СЛЕДЫ
АТОМНЫХ БОГОВ

Руслан Владимирович Шабельник
Следы Атомных богов
Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56059263

Следы Атомных богов: Центрполиграф; М; 2020

ISBN 978-5-227-09162-8

Аннотация

В городе, где поклоняются Атомным богам, случаются убийства. Тут еще и армия неприятеля подходит к стенам, и погода словно сошла с ума. Наверное, боги оглохли к молитвам верующих? Так ли это, предстоит узнать простому инспектору уголовной полиции. В то же время молодой охотник за нечистью Даниил берет заказ на поиски древней статуи, пропавшей из молельни религиозного ордена, члены которого верят в скорый конец света.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	56
Глава 12	61
Глава 13	66
Глава 14	70
Глава 15	73
Глава 16	77
Глава 17	79
Глава 18	85
Глава 19	92
Глава 20	98
Глава 21	103
Глава 22	108

Глава 23	112
Глава 24	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Руслан Шабельник

Следы Атомных богов

© Шабельник Р., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

Часть первая

Глава 1

Глаза бога закрывала повязка. Ее истрепанный край струился по щекам, огибал большой нос с горбинкой, чтобы исчезнуть в сером бетоне здания, вместе с остальной частью головы. Соседний барельеф изображал то же лицо, но каменная повязка уже скрывала рот.

Инспектор Всеволод Орсон Владимиров задрал голову, сиюсь рассмотреть название культа или как минимум имя божества. Нет, над серыми лицами, на этот раз вдавленный в стену, вился девиз. Угловатые эльфийские руны. Владимиров был не очень силен в языке остроухих. «Во имя» и «клоака» – вот и все, что удалось прочесть. Интересно, что же между...

Инспектор опустил взгляд. Труп лежал между двумя каменными ликами божка, один из которых ничего не видел, второй видел, но не скажет. По логике, недоставало третьего, с закрытыми ушами, но уши здешнего бога, как и иные части тела, скрывались в сером бетоне стены.

Подошел Ульрике – младший инспектор.

– Ну? – Владимиров огляделся в поисках места, где можно было бы присесть. Проклятый вес, Марта – его последняя

жена, всю плешь проела, требуя, чтобы он начал худеть, собственно, поэтому и развелись... или нет. Теперь, по прошествии полутора лет, Владимиров почти готов был признать, что Марта была не так неправа. Во всяком случае, проклятая одышка в последнее время досаждала все чаще. И потеешь, как молокосос на первом свидании.

– Вон. – Ульрике указал на каменную скамью у входа в храм.

Владимиров внимательно взглянул на подчиненного – не насмехается ли? Нет, глаза Ульрике, как всегда, были серьезны, взгляд сосредоточен. Ничего, мальчик, поживешь с мое, тоже будешь искать лавочки.

В последнее время Владимиров все чаще замечал за собой привычку поворчать, свойственную пожилым людям. С этим надо что-то делать, ему нет и пятидесяти – рановато записываться в старики.

Опустившись на скамью, Владимиров испытал почти божественное наслаждение. А ведь идти от участка всего ничего. Нет, права была Марта, с его весом надо что-то решать. Может, зарядку какую или есть меньше?

– Пока докладывать, собственно, нечего. – Ульрике не стал присаживаться – эх, молодость, молодость, когда-то и он... – Никто ничего не видел, как всегда. А если видел... – младший инспектор взглянул на изображение богов, – не скажет.

Владимиров покивал – как всегда.

Убитым был мужчина, на вид около тридцати, крепкий, длинные, как у женщины, красивые волосы разметались по мостовой, подобно нимбу обрамляя обращенное к небу лицо. Голубые глаза затуманены пеленой смерти. На остальное лучше не смотреть, то, что у человека внутри, в отличие от выставленного напоказ, редко бывает приятным.

– А эти? – Небрежно махнув рукой, Владимиров указал на храм.

– Половина служителей культа ослеплена, вторая – вырвала себе языки, так что... – Ульрике пожал плечами.

М-да, на что только люди не идут ради... а, собственно, ради чего? Вон и у Ульрике блестит на лацкане шестиконечный значок какого-то культа. В молодости и он – Владимиров – баловался всеми этими собраниями, службами, ритуалами, но так и не отыскал религию по душе. Если не найдет и если верить почти всем религиям, эта самая душа после смерти отправится в ад. Причем у каждого культа – свой. Интересно, ад для него будет общий или душа начнет страдать попеременно, скажем, по месяцу в каждом... или по году.

– Там из гильдии пришли, хотят забрать тело... если можно, – не слишком уверенно закончил Ульрике.

– Откуда они узнали?

– Так это, у портных везде свои уши.

Все верно – сорочки и костюмы, панталоны и плащи, скидки к праздникам и дню рождения – у гильдии портных везде свои уши – одеваться нужно всем, а некоторым еще и

красиво, и модно. Поговаривают, эти уши тянутся даже во дворец герцога... и надо же такому случиться, чтобы убитый оказался мало того что из этой самой гильдии, так еще и не последним в ней человеком. М-да, теперь с него, с Ульрике, с комиссара Кареллы не слезут, пока они не отыщут убийцу или кого-то достаточно похожего на него. Хотя, видит бог, хоть этот слепонемой, хоть любой другой из культов Варосса, хоть сами Атомные, он, они и так делают все возможное.

Убитый портной был десятым, во всяком случае из тех, что знал Владимиров. В различных концах города, мужчины, женщины, примерно одного возраста – первое, что объединяет, ну и еще способ убийства – перерезанное горло и развороченные внутренности. Деньги, часы и иные ценности на месте, во всяком случае тогда, когда полиция успевала появиться раньше местных нищих. И все, пока все.

Первой убитой была Энн Николз – проститутка, работавшая на стыке кварталов красильщиков и стеклодувов, обнаружена там же, в одной из подворотен. Потом были Элизабет Страйд, Кетрин Эддоус – обе прачки, Валерий Лоси – учитель-гувернер у детей лорда Никитенко. Томас Крим – карманник, Джордж Ю-чу – стряпчий, Вениамин Бейли Левицкий – посыльный, брат Тук – младший служка ордена Зуктов – настоящего имени так и не удалось выяснить, Мансуре Сейф – актриса варьете. И вот теперь – член гильдии портных. Стилизованное изображение катушки ниток с воткнутой в нее иглой блестело на лацкане сюртука. Однобортно-

го, но с двумя рядами пуговиц и отворотами – по последней моде, из дорогого сукна – по моде неизменной.

– Пусть забирают, – кивнул Владимиров, он уже почти отдышался. – Как опознают, ну и иные подробности, кто видел последним, когда, жена, дети, любовники, враги, сам знаешь, сразу ко мне. Есть одна задумка.

– Пойдете к мозгоедам? – тут же нашелся не в меру догадливый младший инспектор.

– Не к мозгоедам, а в храм Общих Знаний, к тому же не уподобляйся всем этим городским сплетникам, что бы ни думали обыватели, мозги они не едят... ну, или едят, но не так часто... и не человеческие.

– Или хорошо скрывают это.

– Или хорошо скрывают, – легко согласился Владимиров.

Глава 2

– Записывайтесь в славный, дважды краснознаменный полк барона Фуке. Трехразовое питание, стабильное жалование и штаны с красными лампасами! Дамы млеют от одного вида лампасов, ни одна не устоит! К тому же, милостию славного герцога Гуго VI, полку дарована привилегия беспроцентной реституции вражеских деревень численностью до ста дворов.

Инспектор Владимиров улыбнулся, надо же – реституция – слова-то какие. Ввиду войны ученый термин, который прикрывал обыкновенный грабеж, выучили почти все.

– Записывайтесь, записывайтесь в славный полк графа Сигоньяка. Взятие Пуатье – три дня на реституцию, осада Ля-Роша – ни одного убитого в полку и день на реституцию, битва при Валомбре – безвременная реституция поверженных противников. Эти и еще множество побед прославили полк...

Владимиров бы поспорил насчет подобной славы, но вербовщикам виднее, как завлечь под свои знамена свежих новобранцев. Впрочем, сейчас, когда война продолжалась почти год, в Вароссе им вряд ли что-то светит. И мужчин на улице было заметно меньше женщин, ибо периодически, во исполнение гражданского долга и указа герцога, солдаты хватали всех способных слышать команды прямо на улицах;

не спрашивая, ставя под синие с белым знамена герцогских полков. Так что мужчины на улицах города либо были членами влиятельных гильдий, способных откупиться от притязаний правителя, либо давно вышли из призывного возраста.

Неожиданно сверкнула молния, ударил гром, и почти сразу из серых густых облаков полил сильный дождь. Прохожие – кто кинулся под навесы, а кто, нахлобучив шляпу и подняв воротник, ускорил шаг. Владимиров относился к последним, хотя и подумывал о том, чтобы присесть и отдохнуть. Проклятая одышка! Вербовщики, вместе с барабанщиками и писарями, дружно полезли под помосты, на которых выступали до этого.

В последнее время погода менялась все чаще. Несколько раз в стенах города даже выпадал снег. Мокрый и крупный, потом он долго таял, оставляя за собой грязь и слякоть. И ежесубботный дождь – нет, он по-прежнему лил раз в неделю, но уже мог идти в любой день, а не только по субботам – впору переименовывать. К тому же иногда жиденские осадки и дождем-то назвать было трудно.

– Атомные боги, куда мир катится! – говорил попрошайка – грязный старик у стены одного из храмов. Ног у старика не было, вместо них – серый куб, на вид каменный, из которого росло сухое тело.

И слова нищего переплелись с мыслями Владимирова. Все верно – куда мир катится?

– Славим, славим славного Валаала!

Того, кто повелевает сущим и несущим.

И судьбой, и удачей, и мухами...

– Мухами?

Широкие двери того же храма, где сидел нищий, распахнулись, на улицу – с песнопениями, не торопясь потянулась процессия. Впереди – две девушки, видимая часть полуобнаженных тел, включая ступни и лица, заляпана черной краской, длинные волосы, напротив, выбелены до неестественного снега. За ними – священнослужители неопределенного пола и возраста, ибо сутулые тела укутаны полосами длинных узких тряпок, наподобие бинтов.

– Валаал – создатель мира!

Валаал – даритель жизни!

Валаал – хозяин смерти!

Большинство титулов принадлежало и Атомным богам, впрочем, те не отличались ревностью, милостиво позволяя многочисленным культам исповедовать свое учение.

Инспектор слегка ускорил шаг, без труда обогнав процессию.

– Покайтесь, покайтесь, грешники, ибо грядет конец мира! – истошно завопили из ее середины.

Да, да, как-нибудь, обязательно...

Храмовая улица потому и называлась храмовой, что большую часть ее занимали храмы. Различных божеств – от Валаала до безымянных эльфийских. Различных размеров – от узкого со шпилем почти до серых туч храма Суса Единого

до разлапистого зиккурата Кабы Черного. И возле каждого – нищие, попрошайки, хотя по долгу службы Владимиров знал, что не такие они и нищие.

В середине улицы разместился храм Общих Знаний – место интереса инспектора.

Глава 3

– Во-от, значит, сперва пропала статуя святого Тахла, мы, значит, расстроились, а то как же не расстроиться: статуя дырку в полу закрывала, ну а потом уже монстра завелась.

– Монстра?

– Ага, – радостно закивал брат настоятель, кажется, он так себя назвал, Даниил не особо забивал голову запоминанием всех этих титулов в многочисленных храмах Варосса. – Мы так думаем. – Брат настоятель почесал стриженный затылок. – Эта же монстра статую и сожрала.

– Возможно, вполне возможно...

С причинно-следственной связью у парня было так себе. Минуту назад он же говорил, что монстр появился после пропажи статуи. Храм был из небогатых – невысокое серое строение, затертое более именитыми соседями, такими как храм культа Гериона и святилище Мелитты. К тому же брат настоятель не производил впечатление особо умного человека, во всяком случае при знакомстве. Но Даниил не первый год жил в этом мире, если верить адептам культа Дхьяны – восьмом из девяти миров, а если верить трясунам-гоутамистам – первом из двенадцати. Словом, Даниил понимал: если парень пролез наверх, пусть и в захудалом храме, он далеко не так прост. А манеры деревенщины и речь неуча – для усыпления бдительности недругов, каковых в любой органи-

зации, будь то храм или контора фирмы, хоть пруд пруди.

– Брата Уинкота насмерть перепугала, а брата Левайна вообще сожрала, – между тем продолжал живописать ужасы монстра настоятель. – Истинно, истинно твердят пророчества и святые свитки, близится Конец Света!

– У вас есть свидетели? – Даниилу почти удалось скрыть разочарование в голосе. Не то чтобы часто, но бывало – монстры, чудовища, справиться с которыми его нанимали, на поверку оказывались плодами не в меру буйной фантазии и многолетнего воздержания, помноженными на злоупотребление горячительных напитков некоторых монахов, или храмовников.

– А то как же! – Рука брата настоятеля дернула витой шнур, конец которого болтался у его правого плеча, а начало терялось в темноте сводов.

За спиной у Даниила что-то звякнуло, скрипнула дверь.

– Пригласи брата Уинкота! – крикнул настоятель. Дверь снова скрипнула.

Да, храм Апокалиптиков был не из богатых. Даниил попытался вспомнить, встречал ли он подобные храмы в иных местах, где приходилось путешествовать. Кажется, нет. В таком случае культ, возможно, из местных, варосских. Вопрос был очень важен, ибо от него зависело материальное вознаграждение его – Даниила. Здесь, как говорится, главное – не продешевить.

– Вызывали?

Даниил настолько погрузился в вычисления, что пропустил момент, когда рядом с ним возник худой храмовник в сером, как все они, балахоне, со стриженным, опять же как у всех, затылком.

– Да, брат. Расскажи нашему, значит, гостю, каков из себя монстра.

– Страшный! – взвизгнул худой, да так, что Даниил вздрогнул. – Глазищи красные, горят, а из пасти слюна капает. А еще когти, рога и копыта!

Даниил скосил взгляд на фреску за спиной брата настоятеля. На ней было изображено красноглазое рогатое создание с козлиными ногами и когтистыми руками. Кого-то в сером балахоне оно засовывало в клыкастую, исходящую слюной пасть.

– Как заорет: «Высосу твою кровь!»

– Он еще и разговаривает? – заинтересовался Даниил.

– Ну, не то чтобы, – смутился худой очевидец, – но мог бы заорать.

– Все ясно. – Даниил сплел пальцы перед грудью и тяжело вздохнул. – Это *Nosferatus vulgaris*. Весьма коварный и – главное – прожорливый представитель рода Упереус. Вам повезло, что я был поблизости и смог прибыть достаточно быстро. В полнолуние *Nosferatus* входит в полную силу, и тогда... слышали про монастырь Ньюбургский?

– Нет, – дружно замотали головой братья.

– У них также завелся *Nosferatus*. Погибли все, включая

собак, кошек и одного монастырского мерина, рыжего. Хорошо, ваш покорный слуга, – Даниил скромно склонил голову, – успел вовремя.

– Так это... – настоятель вновь поскреб затылок, отчего его маленькие глазки превратились почти в щели, – вы ж говорили – все умерли, к чему успели-то?

– К тому, что зараза могла перекинуться на других. Умерщвленные *Nosferatus vulgaris* по прошествии трех дней сами становятся упереусами.

– И собаки?

– Собаки – особенно. Ловить трудно. По счастью, я, как уже говорил, вовремя прибыл в означенную обитель и всадил всем погибшим осиновые колы в сердца, естественно, после соответствующего ритуала.

– И собакам?

– И собакам. А осина, особенно освященная в купели святого Телемаха и благословленная в самом Атомном храме Клапрота, – осина нынче дорога.

Братья согласно закивали.

– Конец Света! Два раза по тысячу лет тому, было уже такое перед Великим Потопом...

– Осина подорожала? – заинтересовался Даниил.

– Э-э-э нет, но твари, один вид которых вызывает ужас и заставляет члены неметь, ненасытные до крови людской твари покидали чертоги Преисподней, дабы... э-э-э... выползти наружу, под солнце, значит. Погода сойдет с ума, снега

станут идти беспрестанно, а влага земная выйдет из берегов, дабы затопить грешников. Лишь истинно верующие – апокалиптики спасутся в катаклизме, значит, и понесут слово истины далее.

Похоже, братьев понесло, но Даниил важно кивал каждому слову.

– С вас пять золотых.

– Чего! – опешил настоятель, брат же Уинкот просто громко икнул.

– Считаем. – Даниил вытянул специально припасенные для таких случаев карманные счеты. – Освященная осина – раз. – Костяшка переместилась по проволоке. – Защитные амулеты – два. Вы же не хотите, чтобы зараза распространилась дальше. Алхимические ингредиенты для привлечения монстра – три; серебряный меч с одноразовым заклятием, а именно: само заклятие, заточка, шлифовка меча, нанесение охранных рун – четыре. Ну и сама, так сказать, работа – пять. – Пять костяшек были сдвинуты, подкрепляя слова.

– Пять, не знаю. – Брат настоятель движением руки отослал икающего свидетеля. – Мы, значит, смиренные монахи, посвятившие себя молитвам и взявшие обет бессребреничества.

– Тем более вам не нужны деньги!

– А еда! А одежда! А энергия из Атомного храма! К тому же монстра сожрала пока только брата Левайна, а он все равно никому не нравился, выпивал...

Похоже, идея расстаться с пятью токенами пугала брата настоятеля значительно сильнее монстра. Контракт был готов уплыть из рук.

– Четыре! Но только для вас и из уважения к вашему... э-э-э... богу, ну и обету бедности.

– Три.

– Три? Но это... я же объяснял – осина, амулеты, алхимия...

– Слышал, в городе объявился Гарольд из Ровении по прозвищу Серый Волк – прославленный охотник...

– Гарольд – шарлатан и выскочка, к тому же с дурацким прозвищем, волки и так серые...

– Послушаем, значаца, его, сколько он запросит за монстру...

– Три так три, – поспешил согласиться Даниил. – Но имейте в виду, точнее я смогу сказать лишь при более близком, так сказать, знакомстве с... гм... объектом, возможны дополнительные расходы...

– Три, и ни токена больше, или я посылаю за Гарольдом.

– Ну хорошо, хорошо, – утешало, что он не ошибся в настоятеле, тот действительно не случайно оказался на своем месте, – ведите, где там ваша монстра. Но имейте в виду – один золотой вперед!

Глава 4

Опустившись в щель, токен запрыгал внутри стены, по пути слегка позванивая. В отличие от большинства других в храм Общих Знаний так просто не войдешь. Только после небольшого подношения в виде медяка кусок стены отъезжал в сторону, открывая темный проход. В конце его – инспектор Владимиров помнил – несколько дверей, ведущих в комнатухи-предбанники.

Так и есть.

Он потянул ближайшую на себя, вошел, заперся изнутри. Атомные боги, хоть бы какую скамейку поставили! Прямо перед ним, на стене, размещались четыре небольших колеса. На одном по ободу – буквы, на трех – цифры и по стрелке под каждым, нарисованной белой краской на стене. Когда человек посещал храм впервые, требовалось придумать свое расположение колес, после чего сделать приличное пожертвование. Храмовники якобы запоминали каждого именно по колесам, и в следующий раз мзда была заметно меньше.

Однажды инспектор Владимиров уговорил друга сказать ему свой личный код, после чего пошел в храм, пытаясь выдать себя за другого. Ничего не вышло – храмовники отказались принимать инспектора, из чего он сделал вывод – все дело в имени и внешности, а колеса так – для отвода глаз.

– Всеволод Орсон Владимиров – полиция! – громко

произнес он, после чего поставил колеса в универсальное для полицейских положение. Официальные запросы в храм оплачивало герцогство, хотя и не особо приветствовало, полагая подобные траты пустым расточительством. Если все могут решить храмовники – зачем полиция?

Щелкнул замок, стена с колесами отошла, Владимиров с трудом протиснулся в образовавшуюся щель – для кого они их строят? Для низкоросликов! За дверью сидели служка и один из большеголовых.

Служка указал рукой за спину:

– Вам туда.

Большеголовый промолчал.

Храмовники Общих Знаний выкупали детей у родителей или из приютов еще младенцами, прямо с этого возраста начиная пичкать их своими знаниями – древние и очень опасные ритуалы. Из сотни в относительно здравом уме к совершеннолетию оставался один, максимум двое. Что случилось с остальными – молва умалчивала, не знал и Владимиров, хотя ему вроде по должности знать положено. Но вот этот один или двое становились большеголовыми. Нет, размер головы был ненамного больше обычного, но дело не в этом. Человек словно переставал быть человеком. Вроде он здесь и вроде нет. Вроде слышит и видит тебя, а никак не реагирует.

Следующий коридор, в противовес первому, был ярко освещен и – слава Атомным богам – широк, стены украшали раскрашенные барельефы. Чего здесь только не пестрело

– фигурки людей и животных, дверги, центаврийцы, растения, надписи на человеческом, эльфийском и десятке неизвестных языков... В который раз инспектор Владимиров задался вопросом – зачем это все? Соискатель, пришедший в храм за ответами, вряд ли задержится, дабы полюбоваться изяществом лепки, праздные зеваки сюда не добираются, тогда – для чего? Наверняка подобные украшения обошлись храмовникам недешево. Пройдя и этот коридор, Владимиров оказался в следующей комнате, на этот раз попросторнее. Большеголовый – это был старик: редкий седой пушок смешно обрамлял огромную лысину, ни дать ни взять одуванчик, – скрестив ноги, восседал в стенной нише, рядом с ним стоял толмач, тоже старик, но не лысый и помоложе.

– Задайте ваш вопрос, – нараспев произнес толмач.

Еще поговаривали, что они все в этом храме – кастраты. Инспектор ухмыльнулся.

– В чем смысл жизни?

Толмач на некоторое время замер, закрыв глаза, большеголовый и не открывал их.

– Ответ на данный вопрос подразумевает формулировки и понятия, что находятся вне вашего уровня знаний, – через некоторое время продекламировал старик, у которого с большеголовым было что-то вроде невидимой связи: тот – думал, этот – говорил. – Задайте правильный вопрос.

Что ж, и на этот раз не получилось. Всякий раз, посещая храм, инспектор спрашивал о смысле жизни и всякий раз

получал одинаковый ответ. Ничего, когда-нибудь он натолкнется на большеголового, который ему ответит. А пока придется задать тот вопрос, с каким пришел. Точнее, не совсем вопрос.

– У меня задача. – Владимиров привычно поискал, куда бы опустить грузное тело, и ожидаемо не нашел – в храме Общих Знаний не предполагалось задерживаться надолго.

– Введите данные, – отвечивал толмач.

– Десять убийств, десять жертв... – Он перечислил все, что знал об убитых: имена, род занятий, время преступлений, даже рост и одежду, в которой они были убиты.

– Данные приняты, – когда инспектор закончил, произнес храмовник. – Ваш вопрос?

– Что общего между ними? Связь, единая нить всех этих преступлений.

– Возраст и способ убийства, – почти тут же ответил толмач.

– Это я и без вас понял, еще?

Толмач закрыл глаза, на некоторое время впад в транс.

– Ответ на данный вопрос требует времени и размышлений.

Владимиров вздохнул – чего-то подобного он и ожидал.

– Сколько времени?

– От нескольких часов до бесконечности.

Ну вот – сходил, называется, влетит ему от начальства, когда увидят счет из храма.

– В случае нахождения ответа вы будете поставлены в известность. Задайте следующий вопрос.

– Нет больше вопросов, – буркнул Владимиров, поворачиваясь к выходу.

Глава 5

У выхода из храма Общих Знаний инспектора Владимиров ждал Ульрике. Молодой человек нетерпеливо топтался, смешно переступая с ноги на ногу. Владимиров с завистью посмотрел на него – сам он не то что топтаться, уже стоять с трудом мог. Атомные боги, может, в Двор Чудес податься, пусть дверги приделают ему механические ноги, а лучше – колеса, по два на каждую, а еще лучше желудок поменьше.

– Удалось что-нибудь узнать? – Ульрике кивнул на храм.

– А-а. – Инспектор махнул рукой. – Ты чего здесь?

– Велели отыскать и во дворец герцога. Причем срочно, даже скоростной экипаж нанять разрешили.

М-да, быстро же работают портные, не иначе как самому Советнику настучать успели. Лучше бы шили с такой скоростью.

– Комиссар уже выехал, – закончил младший инспектор.

Дворец герцога располагался в центре города. Прадед нынешнего герцога – Гуго III Красивый обнес его стеной, для чего сровнял несколько городских кварталов, так что вот уже третье поколение любоваться архитектурными изысками дома правителей можно было только на черно-белых дагеротипах, продаваемых на торговой площади. Во всяком случае, рядовому обывателю.

По долгу службы инспектор Владимиров несколько раз был допущен за стену и даже имел сомнительное счастье общаться с его светлостью герцогом Гуго VI Могучим.

Экипаж они оставили у воротной башни. Стражники, несмотря на парадное одеяние и совсем уж нелепые алебарды, профессионально обыскали полицейских, после чего препоручили их парочке офицеров внутренней стражи. У этих алебард не было, но имелись пистолы с полированными от многих прикосновений рукоятями, пока, по счастью, заткнутые за пояс, и короткие рапиры – несмотря на изящество гард, отнюдь не церемониальное оружие. Герцогство вело войну, и повсеместно, а во дворце особенно, опасались голитинейских шпионов.

Подходы к дворцу представляли собой настоящий лабиринт, что в случае прорыва врагов за стену задержало бы наступление. Хотя, по мнению Владимирова, это же осложняло защитникам работу при обороне стен. Впрочем, он не был силен в фортификации.

Младший инспектор, впервые попавший за стену, удивленно вращал головой.

Вот и вход – резные двустворчатые двери. Девиз на них извещал: «Стоять крепко!» – предлагая каждому вкладывать в словосочетание свой смысл.

Внутренняя стража препоручила их дворцовой страже, но, перед тем как войти под своды, они были вторично обысканы.

Отец нынешнего правителя – герцог Гуго V Обильный, помимо унаследованного отсутствия фантазии по части имен наследников, имел законную жену и любовницу – как и положено. От законной жены родился один сын – нынешний герцог, от любовницы – пятеро детей, из них трое – мальчики. Не успело еще тело Гуго V остыть, как его вдова тут же сплвила любовницу в монастырь к Атомным богам, где та вскорости благополучно преставилась, говорят, не без помощи доброжелателей, а бастардов, не мудрствуя лукаво, умертвила. Нет, не сама и не сразу. Один выпал из окна, после ночной пирушки, второй не вернулся с охоты, сестры просто сгорели, вместе с замком – подарком папаши-герцога. Лишь старшему удалось скрыться и найти пристанище в соседнем герцогстве – Голитинейшском – вечном противнике.

Герцогиня-регентша требовала выдать незаконнорожденного, но герцог Голитинейшский послал соседку куда подальше. Тем более что вскоре беглец сочелся узами брака с одной из местных принцесс. По большой любви, нет – непонятно. Говорят, невеста отмечена Атомными богами, но у всех свои вкусы.

Надо сказать, вдова недолго горевала, сменив полдесятка фаворитов, в конце концов остановилась на красавце графе де Бофоре. Так как сыну – герцогу Гуго VI, тогда еще не «могучему», едва исполнилось семь лет, парочка стала полновластными правителями Варосса и прилегающих земель.

– Инспектор, – отвлек от мыслей Ульрике, судя по дрожи в голосе слегка оробевший.

– Чего?

– А этому, ну, Советнику, сколько раз положено кланяться?

О, Атомные боги, это все, что его волнует!

– Один. – Он хотел добавить, что и этого тому много, но, покосившись на стражников, благоразумно промолчал.

Любовники правили, наслаждаясь друг другом, преклонением подданных и богатством, и как-то так получилось, что прошляпили тот момент, когда юный герцог вырос. Мало того что вырос, но обзавелся своим штатом приближенных, среди которых особенно выделялась маркиза Анжелика де Верней. На пять лет старше, она тем не менее сумела околдовать, более того – влюбить в себя молодого герцога, чем, естественно, вызвала нелюбовь герцогини-регентши.

Не без помощи фаворитки Гуго VI забрал власть в свои руки, временщик де Бофор вовремя и благоразумно сбежал, мамаша еще некоторое время повыступала, пока не была отправлена в монастырь – тот самый, в который она несколькими годами ранее заточила любовницу мужа.

А при дворе, прочно и надолго, обосновалось многочисленное семейство де Верней. Во всяком случае, пока – прочно и, как они надеялись, надолго, но ничто не вечно под Божьей Пеленой.

Огромные двери в зал для аудиенций с гербом герцогства

и неизменными стражниками. Снова передача их с рук на руки, и снова обыск. Наконец двери оказались распахнуты, Владимиров ступил под высокие своды, младшего инспектора отчего-то не пустили.

Первое, что Владимиров увидел, – комиссара Кареллу, точнее, его спину, непривычно согнутую в полупоклоне.

– Пока наш правитель – его светлость Гуго VI мужественно проливает свою кровь на полях сражений против коварных захватчиков, вы, уважаемый комиссар, допускаете подобное в городе, и не в каком-нибудь, а в столице герцогства. Только массовых убийств нам не хватало!

Все верно. Герцог ну не то чтобы так уж лил кровь, но вел войну на севере своих владений. Маркиза Анжелика, благоразумно опасаясь оставлять молодого любовника одного, отправилась следом. В городе заправлял маркиз Виктор де Верней – брат всемогущей фаворитки. Занимал он более чем скромную должность советника, но даже министры приходили ему на поклон, чего уж говорить о начальнике уголовной полиции.

– Город буквально кишит шпионами подлых голитинейшцев, и внутренняя служба, в отличие от вас, комиссар, не сидит сложа руки. Каждый день мы ловим несколько и, после соответствующих мер, гм, все они сознаются.

– Мы тоже не сидим, значит, – ответил Карелла.

– Десять, поправьте меня, если я ошибаюсь, десять убийств уже совершено в городе. И что же вы делаете? Жде-

те одиннадцатого!

Хоть Советник и занимал зал для аудиенций, усесться на золоченый трон герцога он не осмеливался, предпочитая кресло сбоку, чуть менее пышное. В разные времена это кресло предназначалось для различных должностей – от первого министра до придворного шута.

– На дело брошены лучшие умы и силы, – блял несчастный Карелла, – с минуты на минуту прибудет инспектор, возглавляющий расследование, дабы лично...

И угораздило ж проклятому убийце укокошить портного! Теперь вот отчитывайся, лично, обдумывая каждое слово. Такие времена – могут и в шпионаже обвинить. В пользу проклятых и, естественно, коварных голитинейшцев. Подстрекаемый зятем, дочкой и сбежавшим фаворитом, который нарисовался в герцогстве, Карл II Голитинейшский напал на соседа и закадычного недруга, благо спорных территорий хватало, а молодой герцог – по мнению Карла – еще не вошел в полную силу. Часть вассальных дворян, как водится, перешла на сторону Карла, часть осталась верна присяге. Скоро год, как война продолжалась, вытягивая соки из герцогства. По одним сведениям, мы побеждали, по другим – несли сокрушительные потери.

– Инспектор, это вы, если не ошибаюсь. – Всесильный Советник кинул взгляд на Владимирова.

Комиссар суетливо обернулся.

– Да, да, он – инспектор Владимиров, наш лучший специ-

алист в подобного рода делах...

– «Подобного»?.. Выходит, дело не первое.

– Убийствам, я хотел сказать – убийствам, – нашелся Карелла. Да, ему не позавидуешь, до пенсии всего ничего, а здесь – такое.

Встав в линию с начальством, Владимиров сдержанно поклонился.

За спиной Советника возвышалась закутанная в золотые одежды фигура служителя культа Атомных богов. Капюшон, обычно скрывающий голову и лицо, был откинут. Этот оказался еще не окончательным уродом. Так – дряблая кожа, ввалившийся нос и глаза навывкате. Обычно те выглядели хуже. Электричество – вот истинная власть. Освещение улиц и домов, обогрев жилищ, работа станков и механизмов, не говоря уже о Божьих Пеленах, укрывавших города, не давая окружающему холоду пролезть внутрь. Только атомным священникам была известна его тайна. Владимиров почувствовал на себе взгляд булькатых глаз.

– Сторонники бастарда старого герцога только и ищут причину, дабы разжечь волнения в городе, – неожиданно нормальным тоном заговорил Советник. – Нас, я имею в виду – власть, и так обвиняют во всех смертных грехах, будто это мы виноваты, что началась война.

Переход от крика был столь разителен, что комиссар даже мотнул головой, словно не веря ушам своим.

– А тут еще и гильдийца убили. С этой минуты, инспек-

тор, дело на моем личном, слышите – личном контроле. Докладывать будете комиссару, ну а он уже – непосредственно мне. Теперь это – политическое убийство. Мы поняли друг друга?

– Да, ваша... – Пока Владимиров лихорадочно вспоминал, как следует обращаться к Советнику, тот отпустил их взмахом кисти.

Тут же, словно по волшебству или велению Атомных богов, за спиной нарисовались стражники, тяжелые руки легли на плечи полицейских.

Напоследок поклонившись, они направились к выходу.

Глава 6

– Ну, как прошло?

Робея в присутствии начальства и вообще во дворце, всю дорогу младший инспектор Ульрике держался, хотя Владимиров видел, каких трудов парню стоило временить с вопросами. За воротами комиссар укатил на экипаже, предоставив инспекторов самим себе.

– Работайте! – напутствовал тот напоследок, перед тем как закрыть дверь.

Усталость в ногах, отступившая было в присутствии Советника, вернулась, и, кажется, с новыми силами. Владимиров с тоской посмотрел на ряд скамей у стены. М-да, не время расслаиваться.

– Ну, как прошло? – не дождавшись ответа, нетерпеливый Ульрике спросил во второй раз.

Пока они были во дворце, на улице заметно похолодало. Владимиров поднял воротник, посмотрел на небо, как всегда затянутое свинцовыми тучами. Не ровен час снова польет, хотя по серому покрову все равно не понять.

– Если так пойдет дальше, в городе будет как в Белых землях. – Недовольное сопение младшего инспектора красноречиво сообщало о том, что далеко не слов о погоде он ждал. Владимиров сжалился над юношей. – Теперь это дело политическое.

– А? – Тот мало что понял.

– Ты спрашивал, как прошло, – плохо. Убийства теперь политические и находятся на личном контроле Советника.

– В смысле убийства? Расследование?

– Ты понял меня. И нам, мой дорогой, следует поймать убийцу либо кого-то достаточно похожего на него. – Именно так Владимиров подумал, стоя над трупом портного, теперь вот мысли материализуются. – Причем, для нашей безопасности, в самое ближайшее время.

– Как это – достаточно похожего на него?

Молодость, молодость, парень недавно в полиции, ничего, пройдет со временем, при условии, что это время у него будет. Хотя некоторые объяснения не помешают, а то вообразит черт-те что.

– Город кишит преступниками всех мастей – от базарных воришек до налетчиков-головорезов. Ничего, если кто-то из них, так сказать, поспособствует душевному спокойствию двух не самых плохих инспекторов, а заодно и комиссара, и Советника.

– А убийца – настоящий. – Парень конечно же понял, куда тот клонил. – А убийства тем временем, они же будут продолжаться.

Вместе с болью в ногах начал возвращаться и всегдашний голод, что за жизнь-то такая! Ни посидеть нормально, ни поесть!

– Да, – ответил раздраженно, – и мы найдем убийцу, но

над нами уже не будет висеть тень Советника... во всяком случае, пока кому-то не придумается укокошить очередного гильдийца. Парень, поверь, ничто так не мешает расследованию, как интерес начальства.

Стена дворца закончилась, они вышли к улице Чудес. Сначала она так называлась «в народе», затем имя закрепили официально.

– Подайте, подайте ветерану Горендвальдской битвы! – к инспекторам тянул руки, оканчивающиеся плашками, седой мужчина. Длинный пепельный чуб на лбу аккуратно разделялся, обрамляя третий глаз, закисший, отчего глаз щурился и постоянно моргал. Кроме плашек и глаза, в остальном это был обычный человек, даже в меру упитанный.

– Битва прошла девяносто лет назад, сколько же тебе тогда было, ветеран? – не сдержался Владимир.

– Да пошел ты, умник! – тут же оскалился трехглазый.

Самое хлебное место для попрошаек, естественно, было у стены дворца, поближе к воротам. Однако оттуда просителей, естественно, гоняли. Вот они и обосновались, так сказать, на подходах.

– Милок, подай на пропитание, сыновей забрали на войну, некому позаботиться на старости лет.

– Держи, мать. – Парень в потрепанной военной форме опустил пару медяков в платок сухонькой старушки, без видимых уродств.

– Благодарю, пусть пребудет с тобой милость Атомных бо-

гов. Добрые господа, не проходите мимо, подайте на еду матери трех... – Нищенка подняла глаза, встретила взглядом с инспектором Владимировом. Тот подмигнул ей.

– Привет, Сера, уже не промышляешь в торговых?

Старушка пожалала худыми плечами:

– Возраст, пальцы не те, а ты, я слышала, в убойный перевелся, мокрухами теперь завед�ешь.

– Ага.

– В наших краях по работе или как?

– Или как, Сера, или как.

Они прошли дальше. Ульрике зашептал на ухо Владимирову:

– Надо было расспросить ее, может, в их... гм... среде, что-то видели, слышали, знают.

– Расспросим, – кивнул инспектор, – обязательно расспросим, как и после всех предыдущих убийств, но не здесь. На людях никто с нами разговаривать не станет, даже если знает. К тому же эти ребята и кто стоит за ними понимают, в случае чего можем взять любого и приписать ему что захочется. Убийства, такие убийства, без поживы, не их рук дело, и они невыгодны вора́м и попрошайкам, так же как и нам. Если бы что знали, мне уже сообщили тем или иным способом.

Улица Чудес называлась так, потому что количество измененных попрошаек на ней превышало все пределы. Кого здесь только не было: двухголовые, четырехрукие, совсем

без рук, но с крыльями за спиной. У одного из попрошайек – Владимирова заметил – к туловищу крепилось аж шесть ног: две босые, на остальных сапоги разных расцветок, фасонов и степени изношенности.

– Подайте...

– Помогите...

– Пусть пребудет с вами милость Атомных...

– Откуда столько измененных? – Младший инспектор только и успевал, что одергивать полы фирменного сюртука, в которые вцеплялись руки, клешни, щупальца.

– Вестимо откуда – из Двора Чудес.

– Но ведь... это недешево.

– А попрошайничество, парень, вообще серьезный бизнес, особенно рядом с дворцом.

– Но как можно пойти на такое... добровольно? – Младший инспектор как раз смотрел на попрошайку, все тело которого было заменено на змеиное – или к толстой змее прицепили голову человека. Второй нищий кормил змеетелого из детской бутылки с соской. Бурая кашеподобная масса стекала по подбородку, но тот не мог даже утереться.

– Большинство из них не спрашивают, выкупают в приютах или у родителей еще детьми, но есть и такие, что идут добровольно. Им лучше попрошайничать, чем работать. – Живот инспектора громко и не в первый раз забурчал. – Убийца обождет, пошли поедим.

– Пойдемте. – Ульрике кинул последний взгляд на змее-

телого. – Но куда?

Действительно – куда? Словно подслушав его мысли, младший инспектор продолжил:

– Интенданты мало того что свирепствуют по деревням, забирая последнее, говорят, Советник выставил посты и все, кто везет продукты в город, обязаны отдавать половину на нужды армии.

Все это Владимиров знал и без него, а также то, что заведений, где можно вполне прилично и, главное, недорого поесть, в городе осталось не так много.

– Давай к Пью, сам видел, вчера к нему каплунов завозили. Не то чтобы крупные, но сейчас особо выбирать не приходится. К тому же за ним должок.

– Давайте.

Глава 7

Святылище, или зал для молений, откуда исчезла статуя святого и где, собственно, наблюдали монстра, представляло собой немаленькое квадратное помещение, с колоннами, полутемное, как и все помещения, виденные до этого в храме. «Может, их бог или боги свет не любят, – подумал Даниил, – ну или братия тупо экономит».

Между колоннами стояли статуи богов. И здесь храмовники не соригинальничали. Даниилу уже приходилось видеть похожие изваяния, если верить легендам, оставшиеся с древних времен, еще до Великого Потопа. Справедливости ради, очень часто, для придания значимости вещам, их относили к допотопным векам. Благо дело, о тех остались только легенды, в которых правда так плотно переплелась с вымыслом, что вычленив первую не могли даже высшие головастики храма Общих Знаний.

Якобы люди могли летать, и даже меж звезд, а еще разговаривать друг с другом на больших расстояниях, словно стояли рядом, а еще говорят – денег тогда не было, ну это уж полный бред, какие бы времена ни были, хоть допотопные, хоть древние, звонкие токены всегда в цене. Это Даниил знал точно и, руководствуясь этим знанием, жил.

Подобно всем древним статуям, они представляли собой прямоугольные бруски, на лицевой части которых выступа-

ли контуры, скорее – намеки на лица и переднюю часть торса людей и нелюдей, ибо чаще статуи изображали последних. Пьедесталы, которые были с брусом одним целым, как обычно подмигивали цветными огоньками, хотя на парочке огоньки погасли – видно, совсем древние.

Даниил начал было прикидывать, сколько же можно выручить за одну такую статую на черном рынке, но с сожалением оставил занятие – мимо братьев никак не пронесешь. Вот разве выломать дыру в потолке и поднять парочку...

Шорох в дальнем и самом темном конце зала заставил Даниила насторожиться. Неужели и вправду в храме кто-то завелся? Признаться, он надеялся на обратное. Но ничего. Даниил вытянул самострел, взвел тетиву, проверил, на месте ли болт. Не магнитный пистоль, конечно, но против любой нечисти самое то. Амулеты, руны – это для клиентов. Кусок стали, всаженный в сердце, много лучше любых заклятий. Другой рукой вытащил из ножен недлинный меч-гладий. Герои на подмостках комедиантов пусть сражают чудовищ огромными мечами и секирами, которые нужно держать двумя руками. В помещениях лучшее оружие – короткий клинок, из тех, которыми и рубить и колоть можно. И совсем не серебряный – старая добрая сталь, лучше пергамская, и ты готов для встречи с любым чудищем. Ну, кроме тех, от которых лучше убежать. Сейчас Даниилу как раз нужно было решить эту проблему. Сбежать, оставив при себе один золотой, или попытаться убить того, кто бы там ни пря-

тался, и заработать три. Первый вариант наносил вред репутации, но он все равно собирался уезжать из Варосса.

Шорох повторился. Боги Изначальные! У него был фонарь, отличный, полицейский, холодного света, но на прошлой неделе пришлось заложить его в ломбарде. Скрыга-оценщик дал пятьдесят грошей, что даже меньше медного токена, да что он понимает! Деревенщина! Понаехали, понимаешь!

– Г-где я? – донеслось из угла.

– В храме Апокалиптиков, – ответил Даниил, наведя острие на голос.

– Апокалиптиков – это как? Я лечь в стасис, перед гиперпрыжок... кажется. Кажется, мы лететь на Терра. Это Терра?

– Терра, Терра. – Похоже, чудище, кем бы оно ни было, нападать не собиралось. Но все равно следовало быть осторожным.

– Где звездолет? Почему стасис-камеры стоят здесь? Если Терра, почему не будить?

Чудище наконец вышло на свет. Даниил слегка опустил самострел. Судя по виду, это был эльф. Светлые волосы, чуть заостренные уши, миндалевидный разрез глаз. Испуганный эльф, дрожащий эльф, в чудной обтягивающей одежде. Клыков, рогов и капающей слюны не наблюдалось.

– Здесь. – Эльф подошел к одной из статуй. – Энергия почти иссякать. Нужно срочно будить. А тут. – Эльф передвинулся к другой. – Уже умереть. Что, что происходит, ката-

строфа? Почему их не выводить из стасис?

– Это был эльф... довольно чудной эльф.

Даниил, конечно, слышал рассказы, что иногда древние статуи оживают, но это же не больше чем байка, храмовая легенда.

– Откуда ты, зачем сюда залез? – Он постарался, чтобы голос звучал построже.

– Я... я не помню, но помнить, что лететь на Терра. Точно – Терра, я гнаться за... или убегать... потом я очнуться здесь. Но я помню, тут был еще один – человек, когда я очнуться.

«Пропавший брат Левайн?» – подумал Даниил.

– Он... он испугаться, наверное, не зная, плохо помнить...

– Где? Где этот человек? Ты его?... – хотел сказать «съел», но вовремя одумался, не повторять же бред, вслед за братией.

– Он... он там. – Рука указала куда-то за спину. – Там дверь, точно дверь, ступени вниз, он закрыться за ней и кричать оттуда на меня, время от времени. Обещать, что кто-то сжечь меня на костре. И еще много непонятных слов. Я его спрашивать, но он не слушать. У меня чувство, что он, как это... не в себе.

Словно в подтверждение слов эльфа, из темноты глухо донеслось:

Ты – монашка, я – монах!
Монастырь твой при стенах.
Ты за ними, я при храме,
Нам не встретиться ника-а-ак!

– Вот, вот, видеть! А сейчас грозить начинать!

– А потом тебя братья вытащат на свет божий, привяжут к колесу, перебьют все кости на руках, ногах и этой, как ее, голове, а потом...

– Я прав, он не в себе?

– В себе, в себе. – Даниил уже прикидывал, как извлечь из происходящего пользу. – Тебя как звать?

Простой вопрос поверг эльфа в ступор.

– Я... я не помнить...

– И святой Тахл покарает тебя, – донеслось из-за двери.

– Я буду звать тебя Тахл, как святого.

– Что?

– Ничего. Слушай, Тахл, план такой. Как ты уже понял, ты попал в очень скверную историю. Если жизнь дорога, слушайся меня.

– Историю? Какую историю? Да, я многого не помнить, но я лететь на Терра – помнить точно! Мы на Терре или нет? Терра – цивилизованная планета. У нас есть представительство, да, представительство, отвести меня туда.

– Точно, представительство. – Какой бы бред эльф ни нес, пусть, лишь бы помогло заработать. – Я тебя отведу, но позже, понимаешь, позже, тебе придется еще какое-то время по-

сидеть здесь, я потом вернусь за тобой и выведу. Ты понял меня! – повысил голос Даниил.

Эльф вздрогнул.

– Да, кажется, да. Но почему? Странно все это. Можно пригласить консула...

– Нет здесь консула! – вышел из себя Даниил. Меч он давно вернул в ножны, а вот самострел прятать не спешил, с сумасшедшими нужно держать ухо востро. – А что есть, так это – колесо, к которому тебя и вправду могут привязать, если найдут здесь, в святилище, так что, если дорога жизнь, слушайся меня.

– Я... я не знать, не понимать... – Эльф прислонился к стене, обхватил голову руками. – Тахл... я не Тахл, имя, у меня есть имя... Рауль... Ганимар...

– Так-то лучше. – Даниил подошел к чаше с углями для воскуривания благовоний и перевернул ее. Затем ударом ноги разбил одну из ваз, что стояли у основания колонн.

– Что ты делать? – опешил эльф.

– Три золотых отрабатываю.

Глава 8

Инспектор Владимиров снова стоял в комнате с голова-стым храмовником и толмачом. На этот раз в нише сидел молодой парень, лет двадцать, не больше. На бритом чере-пе отчетливо виделись свежие шрамы, видимо, храмовник недавно закончил трансформацию или обучение – как по-смотреть. Только сейчас инспектор заметил серую кишку, увитую крупными венами, она соединяла затылок большего-лового и стену. Интересно, что там, за ней, за стеной, впро-чем, не его, инспектора, дело.

Он отыскал его в участке – посыльный, служка храма, ска-зал, что можно приходить. Он и пришел.

– Ответ на ваш вопрос найден! – Голос толмача был вы-сокий, писклявый, Владимиров поморщился – у его бывшей жены был такой. – Помимо уже сообщенного, как то – воз-раст и способ убийства, все жертвы воспитывались в одном и том же приюте, а именно Доме трижды святой Лишии Нафф, на улице Либ в квартале Красных Фонарей.

– Квартал Красных Фонарей? Интересное место для при-юта.

– Из квартала больше всего поступает детей.

Ну да – логично, однако мысли инспектора уже двигались в ином направлении. Выходит, все убитые – приютские, при-чем из одного, а вот это уже похоже на полноценный след.

Что же, детки, случилось с вами в том приюте? Игрушку не поделили? Обижали младшего, а он вырос и мстит?

– Это все, инспектор? – резанул голос.

Владимиров снова поморщился: ну точно Марта – бывшая жена.

– Да, благодарю. – И он повернул к выходу.

Глава 9

– Не желаешь поразвлечься, солдатик?

Не замедлив шага, инспектор Владимиров буркнул:

– Я не солдатик. – Вопрос он оставил без ответа, однако вопрошавшая благоразумно не настаивала, переключившись на худого розовощекого юношу в высокой шляпе студиоза.

Владимиров не стал посылать в квартал Красных Фонарей Ульрике: не то чтобы он опасался за моральный облик младшего инспектора, просто посетить приют, как наиболее многообещающий след, решил лично. К тому же Ульрике, с упорством новобранца, щеголял в форменном сюртуке, что не всегда полезно, особенно в подобном месте.

Дом трижды святой Лишии Нафф находился в самом конце квартала, там, где тот упирался в городскую стену, так что инспектору, ругаясь и кряхтя, пришлось пройти его почти весь и отклонить предложения не менее двух десятков жриц и жрецов любви. Кого здесь только не было: люди – молодые и в возрасте, эльфийки, низкорослицы, даже центаврийки и гермафродиты-дверги, ну и конечно – измененные всех форм и размеров. Пару раз инспектор даже задумался... уж очень заманчиво выглядело предложение или предложенное.

Погода выдала очередной сбой – несколько раз сверкнула молния и прогремел гром, к приюту Владимиров подходил

уже под проливным и чертовски холодным дождем.

Серый фасад здания украшали огромные серые женские груди, в количестве трех штук. Тройная святость Лишии Нафф получила объяснение. Прямо из торчащих сосков били три струи, похоже, внутри груди проходили водостоки.

Постучав и предъявив значок привратнику, инспектор вошел внутрь. На втором этаже, в сухом и теплом кабинете, ему предложили чай. Вскоре появился директор приюта, или как он здесь назывался.

Начальником был центавриец, да и сам приют, насколько Владимиров заметил по обслуживающему персоналу, держали представители этой расы. Как все центаврийцы, начальник был высок, худ, с большими, на пол-лица, глазами и маленьким ртом на почти треугольной лысой голове. Пальцев они имели по четыре, а кожу – голубую, впрочем, к старости она выцветала.

– Чем могу помочь, инспектор? – Двигаясь плавной походкой, центавриец прошел к столу и комфортно откинулся в кожаном кресле с высокой спинкой – как раз под себя. Длинные пальцы с четырьмя суставами на каждом он сплел перед подбородком.

Версии о происхождении центаврийцев разнились – кто приписывал их к порождениям Атомных богов, а кто говорил, что они были всегда, вместе с людьми и низкоросликами. Сами синекорые вроде верили, что приплыли в этот мир на огромных самодвижущихся повозках с далекой звезды. В

Вароссе их жило немного, а вот на юге, где потеплее, синекотие населяли целые города.

Владимиров сделал глоток из чашки. Чай был пряный, с травами, довольно вкусный. Еще бы к нему каких-нибудь бутербродов.

– Меня интересуют ваши... гм... воспитанники определенного года. Кто был в группе, чем занимались, может, запомнились...

Центавриец остановил его, вытянув растопыренную ладонь:

– Сразу предупрежу, инспектор, конечно, мы окажем всяческое содействие, однако не рассчитывайте на обильность информации. Увы, увы, в приюте содержится порядка трех тысяч воспитанников. К тому же некоторая часть, как водится, сбегает. Как вы понимаете, уследить за таким количеством не то что сложно – почти невозможно. Не говоря уже об индивидуальной работе с каждым.

Слово «содержится» слегка резануло слух Владимирова. Многие приюты, возможно и этот, выступали поставщиками живого товара – для публичных домов, нищих, в храмы, на невольничьи рынки Каффара, просто на одну ночь в дома богатых извращенцев.

Чай начал слегка горчить.

– Но вы же ведете записи. Откуда и когда поступил, куда выбыл, также я хотел бы поговорить с персоналом, да, выпуск был достаточно давно, но, возможно, кто-то что-то

вспомнит. Поверьте, мне нет дела до ваших... гм... дел, я расследую убийства, и любые подробности интересуют меня только в аспекте этих преступлений.

– Конечно, вам будет предоставлена вся информация, а также возможность поговорить с воспитателями, кстати, многие из них – наши выпускники, однако, как я уже имел честь упомянуть, не рассчитывайте на многое. Дом трижды святой Лишии Нафф не имеет привычки и возможности интересоваться судьбами воспитанников после выпуска. Хотя в некоторых случаях имеют место исключения: например, фаворитка теперешнего герцога Гуго VI Могучего, маркиза Анжелика, – наша воспитанница.

Владимиров едва не поперхнулся чаем.

– Вы что-то путаете, маркиза происходит из древней и благородной семьи де Верней.

Центавриец поклонился, не случайно, ох не случайно он упомянул всесильную любовницу – тонкий намек, чтобы инспектор не рыл слишком глубоко и куда не следует.

– Не стану утомлять вас историей, как малышка попала в наш приют, поверьте, она достаточно драматична, однако представители семейства де Верней пришли сюда, отыскивали и узнали ее, после чего маркиза вернулась, так сказать, в лоно семьи.

– Я понял ваш намек.

Центавриец снова поклонился.

Глава 10

Дождь продолжал лить, теперь к крупным каплям прибавились градины. Жрицы любви в основной массе попрятались, так что к инспектору Владимирову почти никто не приставал.

В Вароссе погода еще ничего, на побережье Рог зарядили дуть ураганы, так что жителям пришлось покинуть насиженные места и переселиться вглубь материка. В горах Халдонии постоянные грозы с ливнями, с севера тоже массово переселяются – морозы такие, что жить там почти невозможно. И это притом, что служители различных культов постоянно возносят молитвы, приносят жертвы своим, Атомным, хоть каким богам, пытаясь умалить гнев небес. Или не так пытаются, или в последнее время боги стали глухи к их мольбам.

Разговор с воспитателями мало что дал, как в том храме, возле которого произошло последнее убийство: «ничего не видел, ничего не скажу». Единственное, что удалось добыть, – список так называемых выпускников того года. Вопреки словам директора, рядом с именами аккуратно красовались настоящее место жительства и работа, конечно, когда это было известно, а известно было почти всегда. Центаврйцы, стоящие за приютами, были очень влиятельны, не зря же они тратили столько сил и средств на никому, в том числе и родителям, не нужных детей.

Инспектор успел пробежать столбцы глазами – там были имена всех убитых, в том числе и гильдийца-портного. Имя маркизы де Верней отсутствовало. Возможно, она состояла в ином выпуске, но, скорее всего, записи о всесильной фаворитке были припрятаны до поры.

Особо настырная градина попала за воротник и, медленно тая, поползла вдоль позвоночника. Владимиров несколько раз неуклюже дернулся, сгоняя ее пониже.

Атомные боги! Может, Советник не так неправ и убийства действительно имеют политический душок. Насчет маркизы де Верней, как и насчет ее так называемого благородного происхождения, Владимиров не сомневался. Скорее всего, узнали вкус молодого герцога, а потом ходили по приютам, подыскивая подходящий типаж. Воспитали, приодели, обучили манерам и подсунули правителю. Конечно, простолюдинкой он тоже мог увлечься, но бросил бы после первой же ночи, а так – всесильная фаворитка, из благородных, носительница знаменитой фамилии.

И что теперь ему, простому инспектору, делать со всей этой информацией? Капитану доложить нужно.

Капитан Карелла долго изучал список. Сначала на расстоянии вытянутой руки, затем, приблизив к глазам, словно надеялся этим что-то изменить.

Владимиров выдал ему все, в том числе и про фаворитку. В углу кабинета стояло кресло, для особых посетителей, в

меру мягкое и удобное, и сейчас инспектор бессовестно оккупировал его, правда, мокрый сюртук он снял.

Крякнув, капитан поднялся со своего места, подошел к небольшой печке в углу кабинета, открыл дверцу, пошевелил кочергой угли. В участке имелось центральное отопление, но немолодой комиссар постоянно мерз, так что установил себе еще и печь.

– Уголь подорожал, – сообщил Владимирову, глядя на огонь, – все на армию уходит, а дрова в наших широтах сам понимаешь.

Владимиров понимал – топить древесиной, которую в Варросс доставляли с юга, могли позволить себе только аристократы или купцы.

Дверца закрылась, кочерга прислонилась на место, капитан вернулся за стол.

– Да, задал ты мне задачку.

Владимиров пожал плечами: мол, чем могу.

– С одной стороны, может, ты и прав, может, действительно политика. В городе полно как сторонников, так и противников герцога. Может, кто-то из последних как бы намекает де Верней, что ему известна их тайна.

– Слишком тонкий намек. – Не без удовольствия Владимиров ощущал, как боль уходит из натруженных ног. Еще бы перекусить чего.

– И если я в докладе Советнику намекну на данное обстоятельство... – Комиссар будто не слышал инспектора. –

Будет ли господин де Верней столь любезен, что разрешит мне покинуть дворец. Или место комиссара станет вакантно, просто на всякий случай, чтобы одним знающим стало меньше.

Об этом Владимиров как-то не подумал. Действительно, господин Советник мог убрать их с комиссаром просто так, на всякий случай, чтобы они спяну или еще как не сболтнули о сомнительном происхождении его так называемой сестрицы. Тогда зачем директор приюта вот запросто так выдал ему информацию? Рассчитывал на такой исход дела? Или информации этой грош цена? И ведь теперь не надавишь на синекожего, вдруг маркиза действительно приютская.

По скуластому, с широкими бровями лицу комиссара Владимиров понял: его одолевают сходные думы.

– Сделаем так, – жилистая рука с худыми пальцами, покрытыми седыми волосками, накрыла список, – приставим к ним соглядатаев. Если убийца имеет зуб на кого-то из этого выпуска, рано или поздно выйдет на следующего.

– Ко всем? Людей не хватит.

– Попрошу у Советника, не углубляясь, так сказать, в подробности.

– Все равно не хватит.

– А мы не ко всем, только к малоимущим, а толстосумы пусть сами о себе заботятся.

– Нужно их хотя бы предупредить, для очистки совести.

– Можем и предупредить, – согласился комиссар.

Глава 11

Шорох одежд совпал с криком мудзина. Инспектор Владимиров проснулся. Его квартира располагалась неподалеку от храма Суса Единого, и пять раз на дню – с утра до позднего вечера – горластый служитель поднимался на башню храма, откуда призывал верующих к очередной молитве. За годы Владимиров привык к предутренним крикам и уже не просыпался, а вот к шороху одежд – нет.

Как странно – громкий звук не нарушал сон, а на пороге слышимости – вывел из него.

Очень удачно одна рука лежала под подушкой, так что Владимиров лишь слегка сдвинул ее, обхватив плоскую рукоять стилета. Марта подшучивала над этой его привычкой – класть стилет под подушку, мол, когда-нибудь ухо себе отрежешь. Шорох одежд повторился, затем скрипнуло кресло, его любимое, у дальней стены, одновременно с ним – половина у входа. Получается – посетителей несколько. Сквозь полуприщуренные веки инспектор осматривал спальню – все верно: один силуэт в кресле, один у двери, а вот между... и угораздило его перед сном задернуть шторы. Никогда не задерживал, а тут... темно, как у Черного Бога в за... за па-зухой.

– Успокойтесь, инспектор, мы не причиним вам вреда, мы пришли лишь поговорить, – произнес тот, что в кресле. Низ-

кий, басистый, можно даже сказать – красивый голос.

– А в участке вам не разговаривается? – Владимиров осторожно поднялся, опустил ноги, но руку из-под подушки не убрал.

– Дело в том, что наш визит носит, как бы это сказать... неформальный характер.

– Куда уж неформальнее, завалились среди ночи ко мне в спальню. А я ведь не девица.

– Да и я не воздыхатель.

Говорил только тот, что в кресле, остальные хранили молчание, лишь время от времени переступая с ноги на ногу, о чем свидетельствовал скрип половиц. Вот еще один привычный звук, который должен разбудить, а не будит.

– Вы ведете дело о, так сказать, массовых убийствах. Не отпирайтесь, мы знаем, что вы.

– Хотите тонко намекнуть, чтобы я не копал в определенном направлении?

Трое, их было трое: один в кресле, один у входа и один или одна – между. Интересно, в случае чего справится ли он с тремя? Вот бы сюда служебный пистоль. Увы, по окончании рабочего дня магнитные пистолы предписывалось оставлять в участке, на ночь их относили в атомный храм – для освящения. Хотя, говорят, на черном рынке можно купить приспособление, освящающее пистолы от лампочки. Но не пристало стражу закона пользоваться изделиями черных мастеров. Тем более что за изготовление, продажу и применение

– рудники.

– Отчего же, копайте, копайте куда вздумается и сколько вздумается, только... не слишком ретиво, не рвите, так сказать, задницу. Не сомневаюсь, у полицейского инспектора достаточно дел, уделите им больше вашего драгоценного времени.

Вот тут Владимиров мало что понял. Сел кому-то на хвост, пусть сам не подозревая, и предупреждают – это понятно. Но делай что хочешь, но вполсилы – не шантажисты, а мечта.

– Зачем вам? – Иногда лучше не ломать голову, а спросить напрямую. – К тому же дело находится на контроле Советника. Не сильно рвать жопу не получится.

– А вы постарайтесь! Вы же не глупый человек, инспектор. Сегодняшний правитель герцогства Гуго VI совсем не то, что его славный отец. Экономика на спаде, фаворитизм, эти выскочки де Верней лезут во все! – Вот здесь бас говорившего дал слабину. «Де Верней» он едва не выплюнул. – В городе достаточно сторонников вынужденного бежать сына славного Гуго V Обильного.

– Бастарда, – напомнил Владимиров.

– Старшего сына и истинного наследника. Впрочем, все это политика, не станем углубляться в нее. Ваша задача, как я уже сказал, не слишком усердствовать в раскрытии данных преступлений. И когда истинный наследник займет положенное ему по праву рождения место, поверьте, инспек-

тор, вам зачтется, так сказать, за лояльность.

– А если не займет? Гвардия Гуго VI, да и не только его, вооружена мушкетонами. Говорят, с сорока шагов пробивает любой доспех. Но также говорят, что горючий порошок – основной компонент в мушкетоне – чертовски дорогая штука, дороже освящения магнитного пистоля, хотя оба стреляют металлическими шариками-пулями.

Собеседник в кресле вздохнул.

– Когда к вам доходили вести, так сказать, с полей сражений? Реальные вести?

Владимиров смутился и даже вытянул руку из-под подушки, ясно же, что убивать его не собирались, да и какой из него рубака.

– Ну... я, признаться... не очень интересовался... служба...

– Войска Гуго VI отступают, дело нескольких дней, когда они окажутся в Вароссе. А там, рано или поздно, Карл Голитинейшский захватит столицу. Если, конечно, не случится чуда.

– Если для вас все так радужно, зачем этот визит? Не понимаю.

Снова вздох.

– Обстановка в городе, отношение к властям, многие, очень многие правители недооценивали данные аспекты, за что и поплатились.

– Если убийства будут продолжаться, да еще такие –

кровавые, плюс притеснения, дефициты, думаете, горожане встретят нового правителя с распростертыми объятиями?

– Для нас будет достаточно, если не станут особо рьяно сражаться за старого.

– То есть это вы убиваете? – решил спросить напрямую Владимиров, и рука снова скрылась под подушкой.

– Как вы можете! – Ответ последовал незамедлительно, и возмущение казалось достаточно искренним. Даже половицы скрипеть перестали. – Мы не убийцы, мы – патриоты и благородные дворяне!

– Очень благородно предавать своего герцога, – не смог сдержаться Владимиров.

– Не герцога, а этих выскочек де Верней! Древнейшие фамилии забыты, их наследники притесняются, а ведь мои предки веками верой и правдой служили герцогству! Долг истинного патриота, сына родной земли, принять единственно верную сторону!

– Вашу?

– Это пустой разговор, инспектор. – Неожиданно собеседник успокоился. – Я изложил вам свою просьбу.

– Просьбу?

– Не переоценивайте себя. С вами, без вас, мы победим, а когда это случится, вспомним, кто и чью сторону принял в решающий час.

Глава 12

– Упереус обнаружен и временно, я повторяюсь – временно, – придавая важности словам, Даниил поднял указательный палец, – обездвижен и обессилен.

– Ты же говорил, значит, осиной в бок – и готово. – Маленькие глазки настоятеля подозрительно сощурились.

– Ошибся, – показно смутился Даниил. – Исходя из вашего описания, я предположил, что, как и говорил, мы имеем дело с *Nosferatus vulgaris*, или с Носферату обыкновенным, на деле же это оказался более сильный и свирепый подвид *Nosferatus... э-э-э... magnus*, или Носферату большой, он же – великий. Понадобилось...

– Больше ни токена не дам! – понял его по-своему настоятель, и, надо сказать, правильно понял.

– Что вы такое... даже в мыслях не было. – Даниил опасно покосился на парочку рослых храмовников, стоявших в кабинете с начала разговора. Их присутствие сильно напрягало Даниила. Физиономии парней совсем не напоминали лица смиренных братьев, каковыми представил их настоятель. – Однако, пока мы препираемся, упереус может очнуться, вырваться на свободу и начать свои мерзкие, так сказать, деяния.

– Уговор был, что ты убьешь монстру!

Даниил вздохнул – не всегда получалось повысить цену.

– Конечно, я помню и никоим образом не, так сказать, отказываюсь, но, как я уже говорил, монстра оказалась несколько сильнее ожидаемой. В связи с этим завершение ритуала будет произведено вне стен храма. – Видя, как напряглись здоровяки, Даниил поспешно закончил: – Однако вам это ничего не будет стоить, за все, так сказать, уже заплачено.

– Ну так завершай!

– Как только мы рассчитаемся, я выведу уперууса, и больше вы нас не увидите.

Не убийство или поимка монстров, а именно это – получение обещанной платы – было самым сложным в ремесле Даниила, а иногда и самым опасным. Он надеялся, еще живой предполагаемый монстр убережет храмовников от опрометчивых поступков.

Настоятель нахмурил лоб, явно выискивая подвох, пожевал губами, затем громко заскреб пятерней по затылку.

– Мы будем глядеть, если выйдешь один, без монстры, то... – Он не закончил, предлагая Даниилу самому додумать.

– Конечно, мне еще понадобится плотный полотняный мешок, черный, как известно, на свету уперуусы звереют и кидаются на всех и все.

– Ну да, известно, значит... – Храмовник еще некоторое время хмурился, после чего полез в ящик стола.

Даниил напрягся, одна рука уже давно ласкала рукоять гладия – в ближнем бою он привык полагаться на меч.

– Вот, держи. – Пальцы повертели и выронили на стол один золотой. – И вот еще. – Поверх монетки опустился небольшой полотняный мешочек, не черный.

– Что это? – с подозрением спросил Даниил.

– Мощи святого Иоанна! – благоговейно и почти натурально вздохнул храмовник. – Это тебе за работу, значит. Как и мое благословение.

Даниил взял мешок, монету, покатав ее на ладони.

– Мы сговаривались о трех. – Он не сводил взгляда с настоятеля.

– Верно, но с тобой мое благословение и мощи святого, а они бесценны.

– Когда это вы меня благословили?

– Только что. – Настоятель пару раз небрежно махнул рукой перед лицом Даниила. – Теперь можешь идти.

– Никуда я не пойду! Отдайте мне оставшуюся монету и заберите ваши кости. – Он бросил мешочек на стол.

– Не богохульствуй! – Как минутой ранее Даниил, настоятель также вытянул палец, придавая словам важность. – Как говорил святой аль-Вован, в знаменитой проповеди у ручья, – терпимость, смирение и бескорыстие, значит, среди первейших добродетелей истинно верующего. И я, как отец настоятель, обладаю ими, значит, сверх всякой меры. Однако... – Палец как бы невзначай указал на рослых храмовников. – Не все... э-э-э... братья набрались нужного... э-э-э... смирения...

Даниил поспешно спрятал золотой.

– Вот как, угрожать. Я ведь тоже, случайно естественно, могу пырнуть какого-нибудь особо ретивого брата. – Он передвинул кресло так, чтобы в поле зрения попали все три храмовника, рука демонстративно огладила меч и ножны.

– В храме множество братьев, все они горят желанием жертвовать собой во имя истинной веры и спасения души, – парировал настоятель.

– А если я расскажу всем, что вы жулики и проходимцы?

– Что есть мирская молва, особенно когда грядет Конец Света. Мы – временные гости в этом мире, земная жизнь, устремления, деньги, страсти – все тлен и суета сует.

– Вот и отдал бы мне деньги.

– Разговор кончен! – Ладонь настоятеля хлопнула по столу.

– Между прочим, я спас вашего брата Уинкота, которого вы все считали съеденным, – в попытке получить хотя бы часть из недоплаченного, буркнул Даниил.

– Не ты, но наши молитвы уберегли брата Уинкота от преждевременной встречи с Создателями. Ты выступил лишь орудием Всевидящих, а всю работу делают они. Согласись, не будешь ты благодарить веревку, что спасла утопающего, ибо благодарности достоин лишь тот, кто бросил ее, ну и вытянул, значит. – Взгляд переместился на рослых храмовников. – Проведите нашего... гм... гостя к молельне, пускай делает положенное, значит, ну и мешок дайте. Только

глядите, шоб ничего, кроме монстры, не умыкну... – он кивнул взгляд на Даниила, – случайно не забрал с собой.

Храмовники дружно кивнули.

Глава 13

*Все мы – сестры,
Кротость – наша добродетель,
Целомудренность – наша красота,
Внешнее – лишь покрывало,
Внутреннее – суть.*

Владимиров отступил, пропуская процессию Смиренных Сестер.

Во втором куплете их гимна – инспектор помнил – пелось о стыде Сестер, но, вопреки стихотворным строчкам, выше пояса женщины были оголены. Подтверждая, что в понятие «стыд» и «целомудренность» каждый вкладывает свое, лица их были скрыты плотными вуалями, опускавшимися из широкополых белоснежных шляп.

Прохожие расступались, некоторые откровенно пялились на бюсты сестер. Так как в основной массе в Сестры шли женщины старшего возраста, их обвислые груди, на взгляд инспектора, мало кого могли возбудить, впрочем – у всех свои вкусы.

Мимо храма Теней, служители которого, вопреки зловещему названию, просто старались поменьше жечь электричество, вдоль авеню Масок инспектор Владимирова, переваливаясь, двигался в сторону участка.

После ночных посетителей он так и не заснул. М-да, за-

дача. Меньше всего хотелось влезать в политику, но политика влезла в него. С одной стороны, Советник торопит расследование, с другой – заговорщики хотят спустить на тормозах. А что прикажете делать ему – простому инспектору уголовной полиции? А делать следует то же, что и всегда, – свою работу, а там как пойдет.

– Чего глаза красные? – встретил его в коридоре капитан.

– Бессонница. – Владимиров почти сразу решил не рассказывать начальнику о ночных посетителях – у того своих забот достаточно. – Ты вращаешься немного в иных кругах. Как там на войне? Мы побеждаем, драпаем?

Перед тем как ответить, капитан огляделся по сторонам, затем, взяв за локоть, отвел Владимирова в сторону.

– Только никому: в городе может возникнуть паника и все такое.

– Ну?

– Драпаем, и сильно драпаем. Обе армии наконец-то сошлись в битве при Фертер-Ланде – городок почти на границе, может, слышал, там еще козы сыры делают.

– Не слышал.

– Ну да не важно. Наши продули, с треском. Поговаривают, Гуго, вместе со своей шлендрой, смотались еще до окончания битвы, когда поняли, что дело швах. Конечно, позже они опомнились; не без помощи генералов собрали остатки войск, те, что удалось собрать, ибо кто не дурак – давно де-

зertifировал, и сейчас вся эта компания дружно отступает к Вароссу.

– Выходит, не соврал, – пробормотал Владимиров.

– Чего?

– Нет, ничего. Получается, если не случится чуда, нас ждет либо осада...

– Какое чудо, мелкопоместные, да и крупные дворяне откальваются, армия тает на глазах.

– Либо Гуго с остатками войска пройдет мимо, прямо в Барбаган.

– А там что?

– А там порт и море, а за морем Зухарский каганат, варвары давно облизываются на наши земли, можно попытаться найти союзников.

– Политика! – сплюнул капитан.

– В любом случае Варосс не ждет ничего хорошего.

– Вот вы где! – В коридоре появился раскрасневшийся младший инспектор Ульрике. – О, капитан, простите, не заметил.

Карелла запыхтел, а Владимиров улыбнулся – молодость, так походя оскорблять начальство, подобные просчеты извиняет лишь молодость.

– Это, – продолжил младший инспектор, – слезка, ну за одним из списка, его пытались утащить.

– Утащить?

Ульрике нетерпеливо махнул рукой:

– Пойдемте, сами увидите!

Глава 14

Он за угол, а я туда, понятно, не сразу, службу знаем, ну а там – мать моя женщина!

Один из шпииков давал показания. Хотя полноценными показаниями это назвать было трудно. Для слежки за людьми из списка мобилизовали буквально всех, включая работников архива и патрульных.

– Я его к себе, а они – к себе, я за обе ноги, чтоб сподручнее тянуть было. – Этот был из патрульных. Рыжий дедина, широкое лицо которого сплошь обсыпали веснушки. – А парень орет. Потом одна как полоснет по горлу – может, хвостом, может, еще чем, кровищи, они в рассыпную, а я, значит, не растерялся, ноги бросил, все равно – мертвяк, и дубинкой ее, дубинкой, я ж без нее – родной – никуда.

Веснушчатые руки огладили полированную множеством прикосновений рукоять и иззубренное множеством применений тело темной полицейской дубины.

– У меня не побегаешь! – закончил патрульный.

Инспектор Владимиров посмотрел на виновника «торжества» – парня в замусоленной одежде работяги – одиннадцатую жертву загадочного убийцы, впрочем, почему загадочного – труп возможного преступника лежал здесь же, рядом с телом жертвы. Только вот удовлетворения это принесло мало, ибо убийцей оказалась... крыса. Да, необычная, раз-

мером с собаку, к тому же содержимое разбитого черепа – патрульный постарался – заливало какие-то механизмы, торчавшие из тела животного, или оно было вращено в них, но... крыса. И что прикажете предъявлять Советнику? Хотя есть и плюсы, ночные гости будут довольны, еще бы – крысы-убийцы нападают на людей, никто не может чувствовать себя в безопасности, даже в собственном доме! Лучшего повода для паники трудно и придумать. Вот только почему крысы убивают приютских, да еще одного выпуска? Слава Атомным богам, хоть фаворитки герцога в оном выпуске не значится.

– Сколько их было? – Инспектор огляделся в поисках места для сидения.

– Кого? – Рыжий опасливо огляделся.

Владимиров сделал глубокий вдох – с кем придется работать!

– Крыс.

– А-а, этих, много.

Как назло, в поле видимости – ничего, даже захудалого ящика, да что ж эти убийцы по подворотням-то шарятся! Сложно убивать рядом со скамьей?

– Много – это сколько? Две, пять, двадцать пять? Веснушчатая физиономия пошла морщинами.

– Ну, я это... – Морщины углубились, а пальцы рук начали загибаться – для усиления умственного процесса парень говорил вслух. – За руки, значит, потом одна у дыры, и эти –

здоровые и пятнистая. Во! – К носу инспектора приблизился кулак. – И во. – Два пальца медленно распрямились.

Владимиров предположил, что количество крыс указывают загнутые пальцы.

– Восемь?

– Чего? Я ж говорю, во! – Здоровяк снова показал кулак и два пальца. – А силищи-то, я, значит, к себе, а они – к себе, а этот орет!..

– Еще кого-нибудь видел?

– Чего?

– Был в переулке еще кто-то? Человек, другая крыса, не знаю – собака.

– Не, людей не было точно, а крыса или собака... может, была, может, не было, говорю ж, я только за угол, а тут такое!

– Опишите здесь все. – Владимиров уже обращался к Ульрике. – Ну и опросите жителей, у кого окна выходят в переулок. Может, кто что и видел. И насчет остальных из списка предупредите всех наших, пусть будут начеку.

Глава 15

Остро пахло ладаном, миррой и еще чем-то незнакомым, пряным. Сделав несколько вдохов, инспектор Владимиров закашлялся, глаза тут же начали слезиться, захотелось выбежать обратно в коридор за свежим воздухом. Паннель был известен своим пристрастием к воскуриванию благовоний, но чтобы так... хоть топор вешай или вешайся сам. Владимиров прикрыл рот воротником сюртука – против удушающих запахов помогло слабо.

– Сегодня особый день или ты решил доконать меня? – Инспектор с трудом, но сдержал кашель.

Многочисленные пирамидки, аромасвечки стояли и горели у многочисленных алтарей с изображениями божков – Паннель был знатный политеист. Некоторые из алтарей даже были привезены им из странствий – дальних и ближних.

Коллекционирует богов, что ли?

– Холодильник сломался, а трупам уже несколько дней, знаешь ли. – Хозяин покойницкой стоял здесь же. Худой, сутулый, жидкие длинные волосы собраны сзади в пучок, обвязанный старой тряпкой с обтрепанными краями. Однако халат – белый халат, надетый поверх одежды, – был на удивление выглажен и чист. – Скоро привыкнешь.

– Мастеров вызвать не пробовал? – Владимиров отнял воротник, сделал осторожный вдох незащищенным ртом, по-

хоже, действительно привыкал.

– Очень смешно. – Паннель снял очки в золоченой оправе, протер их белоснежным платком, выуженным из кармана халата, затем вернул все на место – очки на нос, платок в карман. – У них завал. У лорда-судьи потек охладитель в подвале с бесценной коллекцией мшанских вин, а у купца первой гильдии Свербети вообще мясо тухнет, прямо в разделочном цеху, тут еще транспортники требуют внимания к своим перевозным холодильникам, до скромного служащего морга, как ты понимаешь, пока доберутся...

– Он умрет от удушья, или кто-то из коллег, – закончил Владимиров.

Паннель пожал плечами: мол, как знаешь, я никого насильно к себе не затягивал.

– Мое дело, – напомнил Владимиров.

– О-о-о, – оживился Паннель, – поманив инспектора к одному из прозекторских столов, тому, который был накрыт простыней, не без некоторой театральности сдернул покров.

На столе лежала крыса, та самая, с места преступления, только омытая и более... выпотрошенная. Владимиров увидел в принципе то же, что и в переулке, – часть животного, часть механизма и эти части соединялись между собой.

– Довольно интересная, я бы сказал, конструкция, – затараторил хозяин помещения, – обычно во Дворе Чудес биологические части, как бы это... соединяются с механикой. Либо она заменяет отсутствующие конечности и органы, ли-

бо сама по себе, для большего эффекта, как у нищих или уродцев в цирках. Здесь же... мы имеем, обрати внимание на данный участок. – Узловатый палец обвел большую часть тушки.

Владимиров честно обратил и так же честно ничего выдающегося не заметил. Органы, механика.

– Первый раз такое наблюдаю. Механические части как бы вросли в тело крысы. Половина сердца – механика, половина – живое, или вот – печень есть, даже желчный, а вместо желудка – измельчитель. Это уже не животное, не живое в нашем понимании этого слова. Я бы назвал его – биомеханизм. Очень сложная конструкция, но вот зачем, для чего...

– Эта конструкция убивает людей.

– Вот и я о том же! Для такого простого дела нет необходимости городить мудреную биомеханику. Помимо сложности, изменения или усовершенствования – как посмотреть – очень недешевы. Если за простой протез во Дворе дерут три шкуры, то это... даже не знаю. Одна такая крыса обойдется в целое состояние, а она, как я понял, была далеко не единственная...

М-да, вопреки надеждам, посещение Паннеля только прибавило вопросов. Действительно, если целью было убийство приютских, намного проще нанять убийцу. И дешевле. Можно недешевых, из гильдии, те вообще по желанию клиента способны все обставить как несчастный случай, тогда и полиция не заинтересуется. Может, действительно политика и

дело в зрелищности? Но та же гильдия по желанию клиента может устроить и «красочное» убийство, с вывешиванием на столбах и любыми надписями кровью по желанию заказчика: от «Голитинейшский шпион» до «Свободу попугаям!». И почему приютские из одного выпуска? Чтобы запутать следствие? У них получилось. Громкое и продолжительное кашлянье у двери отвлекло Владимирова от мыслей. Невысокий мужчина в рабочей одежде стоял на пороге, одна рука держала деревянный ящик с инструментами, вторая прижимала поспешно снятый картуз ко рту.

– Кхе, кхе, у вас тут холодильник сломался?

– Я пошел. – Владимиров кивнул Паннелю.

– Если еще что нарою – свистну.

Глава 16

Капитан Карелла бросил очередную порцию угля в печь, оранжевые языки огня тут же принялись лизать черные камни, скрипнув, дверца встала на место. Начальник тоже вернулся на место, на свое.

– М-да, задачка. – Задржав брови, капитан кинул взгляд на настенный календарь – подарок инспекторов на день рождения. 17 мессидора было жирно обведено карандашом – день выхода комиссара на пенсию. В последнее время он смотрел на календарь все чаще.

– И что ты будешь делать на пенсии? Розы выращивать? – Привычное кресло жалобно скрипнуло под весом Владимира.

Капитан, прищурившись, посмотрел на него:

– Худеть тебе надо.

– И ты туда же! Марта всю плешь...

– Твоя жена была права.

– Бывшая жена!

– Как уйду... – Карелла кивнул в сторону календаря, – буду рекомендовать тебя на мое место. – Капитан тяжело вздохнул. – М-да, задал ты мне задачку... – Снова вздох. – Кала – младшая, ну, ты помнишь, нас с женой к себе в Терружен зовет. У нее там дом, внук скоро в школу... М-да, задал ты...

Инспектор промолчал, что задал не он, а убийца. Впрочем, комиссара он понимал. Дворы Чудес – государство в государстве, с ними не то что полицейский комиссар, даже герцог боялся связываться.

– И ведь слежку не установишь, – пробурчал комиссар.

– Ага, – кивнул Владимиров. И он, и комиссар понимали – посетителей много, почти нереально вычленишь среди них того, кто оплачивает переделку крыс, к тому же совсем не обязательно их заказывали на варосском Дворе.

– Хоть будет что доложить Советнику. Что еще придумал?

– Как обычно, информаторы, шпики, все работают, спрашивают, не может быть, чтобы в городе никто и никогда не видел измененных крыс или ничего не слышал о них.

– Это время, долго!

– Больше пока у нас ничего нет.

Глава 17

На улице шел дождь со снегом. Даниил накиннул капюшон, плотнее закутался в плащ. На Тахла было жалко смотреть. Обтягивающая одежонка, видимо, совсем не держала тепло, к тому же эльф был бос. Спасаясь от холода, несчастный замотался в мешок, в котором покинул храм.

«Проклятая погода», – привычно подумал Даниил. В стенах городов еще ничего – снег, дождь вне привычных дней, можно и пережить. А как тем, кто живет в Белых землях? Снежные бури, говорят, свирепствуют все чаще. Может, братья Апокалиптики не так неправы и действительно природные катаклизмы – вестники скорого конца света?

– Г-где мы? – дрожа всем телом, спросил эльф.

– В славном городе Вароссе. – Видать, парень совсем с головой не дружит, раз не помнит даже города, в котором находится. – Итак, я вывел тебя, спас, дальше ты своей дорогой, я – своей.

– Есть хотеть. – Эльф переступил с одной босой ноги на другую, и получилось у него это очень жалостливо.

Даниил засунул руку в карман, покатал золотые. Он предпочитал одежду с карманами, носить деньги в кошельке, на поясе, как это делали в Мшане, да и южнее, – нет уж, увольте – рай для щипачей.

– Ладно, пошли, и подберем тебе чего-нибудь.

Третья миска с тушеными бобами опустошалась со скоростью первых двух, и, похоже, эльф останавливаться не собирался. Под бобы был выпит целый кувшин кваса, и мальчик-разносчик как раз ставил второй.

На Тахле была одежка, не новая, но вполне еще, обувь, и Даниил его кормил. Добро имеет свои границы.

Даниил кинул на стол несколько грошей, намекая на то, что с едой да и с благотворительностью покончено.

– Терра, я лететь на Терра, точно помнить... только зачем... но это не Терра, – жевал Тахл далеко не молча, – а если – Терра? Кто здесь главный? – спросил он у Даниила.

– В Вароссе – герцог Гуго.

– Нет, не город, на планета? У вас есть планетное правительство?

Планета, звезды, на которых живут люди, такие же, как мы. Боги, которые прилетели с этих самых звезд... В детстве, в приюте, проглатывая одну книгу за другой, Даниил читал об этом, как и другие подобные истории. Сказки, в которые многие верят до сих пор. Правда, нет – какая разница, жить и добывать звонкую монету не помогает, значит – бесполезные знания.

– Слушай, сходил бы ты в полицию.

– Зачем? Здесь управлять всем полиция?

– Не больше, чем везде, но, может, у тебя есть эти, как их, близкие, они ищут, волнуются. – Даниил не стал добавлять,

что, возможно, Тахл сбежал из какой-нибудь лечебницы для душевнобольных. Интересно, как он попал в храм любителей конца света, впрочем, какая разница.

– Нет... – Эльф сделал солидный глоток, прямо из кувшина, пропихивая свежепережеванные бобы в желудок. – Меня не искать, я – нездешний.

– Откуда знаешь, ты же ничего не помнишь!

– Помнить... смутно... здесь жить подобные мне? Улица? Дом?

– Равенор, – добрый совет напоследок.

– Равенор? Что такое Равенор? Город?

– Лес, – ответил Даниил. – У нас в каждой земле своя власть, а в равенорских лесах заправляют подобные тебе. Будь я остроухим, двинулся бы туда.

Сам Даниил тоже решил сматываться из Варосса, и заработанные золотые были как нельзя кстати. Проклятая война, вербовщики того и гляди снова начнут хватать людей прямо на улице. Вот только куда податься? Говорят, на юге, в землях каганата, сейчас хорошо. Тепло и дожди почти не докучают.

– Ты, эй, ты!

– А? – Даниил не сразу сообразил, что Тахл обращается к нему. Парень то ли осмелел, то ли захмелел. Если последнее – с чего бы?

– Почему я не мочь здесь остаться, как ты говорить – город Варосс.

– В Вароссе не очень любят эльфов, впрочем, как и везде. А вообще, хочешь – оставайся, мое какое дело.

Даниил огляделся – в таверне почти не было посетителей. Тройка мастеровых, тихо беседующих за одним из столов, парочка патрульных, явно зашедшая пропустить по стаканчику после ночной смены, ярко покрашенная девица с усталым взглядом – по всему одна из обитательниц квартала Красных Фонарей – и пожилой рыцарь в древних латах – такие уже лет пятьдесят как не носят, – отчего он больше походил на пугало, чем на грозного вояку. За столом рыцаря сидела изящная фигурка, закутанная в плащ, который, впрочем, не скрывал некоторых округлостей незнакомки. Скорее всего, папаша сопровождал дочку, хотя скорее внучку, в какой-нибудь пансион или в имение, подальше от ужасов войны.

– Что у вас в цене?

– А? – Засмотревшись на девушку, Даниил замечтался, хотя кто сказал, что она – девушка, лица-то не видно.

– Мне нужно жить. – Эльф кивнул на монеты. – Что у вас цениться? – Язык его уже порядком заплетался. Да что ж с парнем-то такое?

– Токены! – буркнул Даниил. – Медные, серебряные, лучше – золотые.

– Токены, так называться деньги?

– Токены делают в атомных храмах, не во всех, конечно, в некоторых. В тех же храмах ты можешь обменять их на элек-

тричество, ну а электричество – это все. Нет, бывает, правители чеканят свои монеты, но все равно курс определяется по отношению к токену.

– Знания? Везде и всегда цениться знания.

– Умных никто не любит. – Даниил поднялся. – Ну, бывай.

– Стой! – Рука схватила его за запястье. – Равенор, как туда добраться?

– Через Северные ворота, на почтовых санях до Терружена, дальше – спросишь.

– Спросить, – кивнул эльф, – я спросить на планетах сектора Кассиопеи, я спрашивать в самой Федерации. Я спрашивать, где ты не помышлять. Дикарь, деревенщина, ты даже не слышать о таких местах!

– Да, да, хорошо. – Даниил попытался отцепить руку. От чего ж парня так развезло? На них уже начали оборачиваться. Атомные боги с обывателями, но вот патрульные... Жизнь научила Даниила держаться подальше от представителей власти, любых, даже самых мелких.

– Все охотники за головами Тау Кита охотиться за... за... за кем же они охотиться?.. – Эльф поднялся, опрокинув табурет и стол. – За мной? Не за мной?

– Рад за тебя, не тебя, всех вас.

Полицейские не только обернулись, но и поднялись, оба рослые, усатые. Близнецы, что ли? Даниил виновато улыбнулся им: мол, пьяный, что возьмешь.

– Проблемы? – Левый, с более густой растительностью над

губой, потянулся к дубине, висевшей на поясе. После освящения в храме Атомных богов такие дубины могли жалить молниями.

Шатаясь, Тахл зацепил мастерового.

– Осторожнее! – крикнул тот.

– Ты кто такой? – тут же накинулся на него эльф.

Мастеровой поднялся, за ним – остальные из его компании, Даниил попытался улизнуть, но Тахл крепко держал его. Даниил дернулся раз, другой, подумал о том, чтобы врезать непонятно отчего разбушевававшемуся эльфу, взгляд упал на патрульных. На усатые лица напоздало одинаковое выражение счастья, руки почти синхронно вытягивали дубины.

Глава 18

Владимиров проснулся. Через минуту крик мудзина ударил по ушам. На этот раз причиной пробуждения, помимо шороха, были дробный цокот и едва слышное попискивание.

«Да что ж они сами не спят и людям не дают!» Рука почти привычно потянулась под подушку. Инспектор повернулся на бок и открыл глаза. Против ожидания, ночных заговорщиков не увидел. Однако звуки, разбудившие его, не прекратились, Владимиров кинул взгляд на пол. Атомные боги! Пол, деревянный пол его спальни, казалось, ожил. Серая масса двигалась и вспухала, словно густое варево в гигантском котле. Инспектор не сразу сообразил, что это или кто это. Крысы! Большие и не очень, серые и черные, они постоянно двигались, рождая тот самый цокот, еще и слегка попискивая. Захотелось протереть глаза, проснуться, ибо ничем иным, кроме сна, причем кошмарного, происходящее быть не могло.

Особенно крупная крыса, размером со среднюю собаку, подошла к его кровати, стала на задние лапы. Острая мордочка оказалась напротив лица Владимирова.

– Пахли, – родила она отрывисто, длинные усы щекотнули инспектора.

– Чего?

– Пахли. – По-человечески крысы, даже специально изме-

ненные, разговаривали плохо – речевой аппарат животных был устроен для воспроизведения совсем иных звуков, но Владимиров понял, что крыса зовет его за собой. Тем более что в спину ему тут же уперлось десяток лапок, спихивая инспектора с кровати, впрочем безрезультатно.

Говорящая крыса опустилась на пол, поплелась к выходу, длинный розовый, облезлый хвост волочился за ней. Крысы поменьше расступались.

Лапки сзади надавили сильнее.

– Иду. – Инспектор сел, опустил ноги, кажется, отдал паре хвостов – теплых и шершавых. – Только оденусь.

Туннели городской канализации... Какими только существами не населяла их людская молва! Поговаривали, туннели остались с допотопных времен, когда и города-то на этом месте не было. Для чего в таком случае рыть ходы в чистом поле, молва умалчивала. Еще поговаривали, что все храмы Варосса соединялись туннелями. Нет, канализация отводилась от каждого дома, каждого храма, но не трубами в человеческий рост. А инспектора Владимирова вели именно по таким.

«...Это было место, где исчезали бесследно судебные приставы и патрульные, осмелившиеся переступить черту. Придон ворон, отвратительный налет на лице города; клоака, откуда изливался каждое утро, а ночью лился назад грязный поток пороков, переливавшийся через край и наводнявший

улицы столицы». Вспомнились строчки недавно прочитанного бульварного романа. Фантазия автора населила туннели Варосса кровожадными чудовищами и измененными всех форм и размеров. В одном романист был прав – и приставы, и полицейские в туннелях не то чтобы исчезали, они просто туда не совались, как и любой, кому дорога жизнь. Касаемо монстров – они вполне могли здесь водиться, а могли и нет.

Попискивающий серый покров вел Владимирова все дальше, вглубь. Впереди вышагивала разговорчивая крыса, других монстров не наблюдалось. Полицейский фонарик, который всегда лежал в кармане сюртука, пришлось как нельзя кстати, хотя его давно нужно было освятить в храме. Свет был тусклый, но в темноте туннелей и такой за счастье.

Поспевать за крысами, особенно с его весом, было нелегко. Поначалу Владимиров пытался запомнить дорогу, считал развилки, повороты, потом бросил это занятие. Если его хотели убить – сделали бы это еще в спальне, да и знай он дорогу назад, как тягаться с полчищами крыс.

Крысы Варосса – вот уж кто мог претендовать на звание истинных хозяев города. Трудно представить место, в которое они не могли бы проникнуть. Поговаривали, именно крысы в своих цепких лапках держали все сношения с внешним миром заключенных герцогской тюрьмы. Весточка из дому или в храм, передачи, ценные вещи для подкупа охраны – со всем этим могли помочь крысы.

А гильдии – много дешевле заплатить хвостатым неболь-

шую мзду, чем круглосуточно охранять товар, который грызуны легко могли испортить. Некоторое время назад заартачились было кузнецы: мол, нашим изделиям носатые ничего не сделают – зубы обломают, так серые за ночь сгрызли в труху все кузнечные меха во всех кузнях города. Судя по тому, что мехов больше не портили, кузнецы заплатили...

Очередной поворот, и впереди забрезжил свет. Владимиров выключил фонарик, решив на всякий случай сберечь энергию. Они вышли в широкое помещение. После тесноты туннелей оно казалось огромным, как зал для аудиенций герцога. Даже потолок, всегда нависающий потолок, отступил, потерялся в темной вышине. По периметру на стенах висели лампы, усиливая сравнение с герцогским залом, в противоположном конце – возвышение, на котором стоял... трон, самый настоящий трон, как и герцогский – золотой, во всяком случае позолоченный. Интересно, увидь это его светлость Гуго VI, обтяпывали бы крысы спокойно и дальше свои делишки? Наклонившись, инспектор пытался восстановить дыхание. Да, с весом нужно что-то делать. Поискал, где бы присесть, – не нашел, посмотрел на грязный пол – нет, пока нет.

Перед троном серая масса расступилась и рассосалась по темным закуткам зала.

Сначала Владимиров увидел девушку. Худенькая, бледная кожа, запавшие щеки, жиденькие, не очень чистые волосы. Опираясь на тонкую ручку, рядом с ней шел... крыс.

Инспектор еще никогда не видел столь крупной крысы – ростом с десятилетнего ребенка. В отличие от сородичей он передвигался на задних лапах, хоть и тяжело переваливаясь, почти как сам инспектор. Усиливая странности, на крысе была одежда – расшитый золотом камзол с эполетами и короткие панталоны... кружевные, очень похожие на нижнее белье какой-нибудь кокетки. Однако смеяться не хотелось. Кроме того, крыс был двуглав и две пары глаз внимательно изучали инспектора. Глаза были почти человеческие – с белком, зрачком и радужкой. Зрачки вытянутые, как у кошки.

Попискивая, крыс взобрался на трон, девушка всячески ему помогала.

«Интересно, сколько у него хвостов?» – выскочила нелепая мысль.

Одна из голов запищала, быстро и мелодично.

– Надеюсь, мы не причинили вам слишком больших неудобств, – произнесла девушка. Голос был звонкий. Отразившись от стен, он многократно вернулся Владимирову.

– Зачем я здесь? – Дыхание почти восстановилось.

Крыса вновь запищала, и после этого вновь заговорила девушка:

– Это не мы убивали всех тех людей, крысы Варосса непричастны, в том даю свое слово.

Было странно слышать такие слова из уст человека. Владимиров знал, что крысам прислуживали люди. Серые забирали их еще младенцами – может, воровали, может, родите-

ли сами продавали. Крысы выращивали, воспитывали, и человеческие существа становились преданными рабами своих хвостатых хозяев. Они могли быть крысиными шпионами, живя и работая наверху, а могли выполнять, как эта девушка, роль переводчиков или посредников между миром крыс и людей.

– Вы знаете, что мы нашли на месте убийства крысу, измененную. – Не совсем «нашли», но лучше не уточнять.

– Они забирают наших братьев, сестер и делают из них чудовищ. Бывшие братья становятся глухи к зову стаи, они не слышат нас. Мы хотели вернуть нескольких братьев, но они защищались, погибли многие, они ушли.

– Кто они?

На этот раз писк звучал дольше.

– Мы не знаем. Есть легенда, два по тысяче лет назад, во времена Потопа, уже было такое. Боги тогда сошли с ума, они бросались молниями, растаял белый покров ледяных земель, и влага, небесная влага беспрестанно лилась сверху.

– Я знаю легенду о Великом Потопе, – перебил Владимир.

– Это не легенда, так было. Тогда тоже появились они – измененные. Кто-то похищал наших собратьев и делал из них своих механических слуг. Варосс тогда еще не возвели – другой город, но предания передавались от хвоста к хвосту.

Подобные слова из уст девчужки – почти ребенка – слышать было не только странно, но и жутко.

– Тогда все прекратилось, – продолжила она. – Закончились дожди, ледяные земли вновь покрылись снегом, и механические слуги ушли, никто больше не похищал братьев, до недавнего времени.

– Двор Чудес! Вы же можете пролезть куда захотите, узнайте во Дворе Чудес, кто стоит за всем этим.

– Во Двор Чудес не можем, – после писка старшего мотнула головой девушка. – Везде, кроме Двора Чудес. Все, кто ушел туда, не вернулись или вернулись измененными.

И здесь – тупик.

– Тогда зачем... гм... пригласили меня?

– Чтобы ты знал – это не мы. Ищи тех, кто стоит за измененными. Мы тоже будем искать. Если узнаем, тебе скажут.

Глава 19

– Мне нужно во Двор Чудес. – Такими словами, вместо приветствия, инспектор Владимиров встретил начальство.

Карелла задумчиво посмотрел на него, снял шляпу, отряхнул дождевые капли с широких полей.

– Снова льет как из ведра, и снова не по расписанию. – Словно соглашаясь со словами комиссара, за грязным коридорным окном участка несколько раз сверкнула молния.

Владимиров терпеливо ждал. Карелла прошел в свой кабинет, повесил шляпу на вешалку из оленьих рогов – тоже подарок на один из дней рождения. Мокрый плащ аккуратно расправил на деревянных плечиках. Сел за стол.

– Ты же знаешь, мы не имеем там никакой власти.

– Знаю.

– Тогда – зачем?

– Покажу труп крысы, спрошу.

– Они не раскрывают имен заказчиков.

– На все воля Атомных богов. Труп измененной крысы – единственное, что у нас есть. И ведет он к Двору, не будем раскидываться следами.

Карелла кинул взгляд на календарь.

– Может, ты прав. Возьмешь наши сани, но чтоб быстро – туда и назад.

У выезда из города образовалась небольшая очередь. Некоторое время Владимиров смотрел, как толкачи выпихивают очередные сани за ворота. В отличие от полицейских, служебных, это был роскошный экипаж с позолотой на дверках, резными ставенками и даже флюгером на скатной крыше – целый домик на полозьях. Была в этом некая красота. Кожух котла с блестящими шляпками заклепок, какие-то клапаны, датчики, ребра радиаторов. Труба, начищенная, медная, едва дымила. В городе снега не было, именно поэтому потели толкачи, там, за воротами, забулькает вода в котле и гребные колеса дружно завертятся, двигая экипаж.

Блистали роскошью не только дома на полозьях, но и небольшие – одноместные (кочегар не в счет) экипажи с единственным гребным колесом позади и скошенной трубой. В последнее время богатая молодежь Варосса любила скользить наперегонки по заснеженной пустыне. Поначалу власти пытались запретить опасную забаву, особенно после нескольких взрывов котлов, но потом махнули рукой – за всеми не уследишь, а если отпрыски влиятельных фамилий имеют желание щекотать себе нервы, это их, отпрысков, дело. И дело их родителей.

Полицейский экипаж был тоже небольшим, с одним колесом. В отличие от остальных внутри оборудовали клетку – для преступников.

Владимиров поздоровался с Шейхером – машинистом, почти ровесником инспектора. До работы в полиции Шейхер

водил межгородские экипажи. Работа нелегкая и опасная, ибо время от времени в герцогстве, особенно в неурожайные годы, появлялись банды разбойников, считавшие, что грабить сани – прибыльное дело. Владимиров кивнул кочегару, молодому пареньку с чумазым лицом – новенькому.

– За воротами снова метель. – Прищурившись, Шейхер посмотрел на небо.

– Откуда знаешь?

– Знаю. Куда скользим?

– Во Двор Чудес. – Владимиров открыл крышку и с облегчением опустил мешок с трупом крысы в багажное отделение. Фу-ух, до чего же хорошо! И до чего же она тяжелая, кто бы мог подумать.

– За день туда и назад не успеем. Темнеет рано, а я по темноте не поеду – время такое, банды дезертиров, говорят, даже в окрестностях Варосса шатаются.

– Значит, заночуем.

– Лады. Эй! – Шейхер уже кричал кочегару: – Грузись, наша очередь!

Котел запыхтел, кочегар подбросил новую порцию горячего камня, сани сначала медленно, потом все быстрее покатились по белому полю застенья. Шейхер дал длинный, продолжительный гудок. Когда прибудут, даст два – длинный и короткий...

Владимиров обернулся. Здесь, за городом, можно было

увидеть Божью Пелену. Вблизи не разглядеть, а на расстоянии Пелена выглядела как голубоватая дымка, поднимавшаяся из земли и исчезающая в сизых, низко нависших облаках – символ покровительства и защиты города Атомными богами. Говорили, во время вспышек – погодных сбоев, сопровождаемых молниями, из-за чего их так окрестили – она меняла цвет на зеленый. Куда мир катится!

– Поддай парку! – крикнул Шейхер. – Домчим с ветерком!

Рукавицы Владимиров взять забыл, поэтому поднес руки ко рту, согревая их дыханием. Тепло от котла понемногу проникало в кабину, но руки успели замерзнуть.

Шейхер не ошибся: действительно мелко, хотя и понизу, хорошо, что к Двору ездили довольно часто и дорога была укатана.

Двор Чудес. Кто только не пользовался его услугами. Аристократия, отпрыски которой постоянно теряли на войнах и турнирах какие-либо части тел – от жизненно необходимых, вроде глаз, до второстепенных, вроде мочки уха. Модники и модницы – эти уж, в зависимости от капризов ветреной богини, увеличивали либо уменьшали, а то и вовсе меняли на механические те или иные части тел. Селяне – пара механизированных волов, деньги на которые собрали всей деревней, – могли существенно помочь в хозяйстве, а еще: наемники, попрошайки, карманники, кургизанки. Не существовало такого семейства, которое не было бы обязано Двору. И

понятно, с ним мало кто, да попросту – никто не желал ссориться. Даже грабители обходили Двор стороной, точнее, не рассматривали как объект профессиональной деятельности.

Практически возле каждой столицы был свой Двор Чудес, да что там – возле каждого крупного города. Эдакое государство в государстве. Налогов они не платили, но зато ни на чью сторону не становились, и на том спасибо Атомным богам. Каким богам поклонялись сами дворовики – загадка. Наверное, каким-нибудь коммерческим, ибо за свои услуги они одинаково охотно брали и атомные токены, и драгоценности аристократии, и продукты от неимущих, и обгаренное кровью золото разбойничьего люда.

Со временем вокруг Двора образовался поселок, с гостиницами, лавками, кабаками и даже больницей и школой. На подъезде Шейхер дал положенные два гудка. Так как никакая Пелена Двор не укрывала. Сани не торопясь катили между домами, щедро выпуская дым.

– Здесь заночуем, место проверенное. – Ловко завернув, Шейхер остановился у одной из гостиниц, в стороне от центральной улицы, но недалеко от Двора. – Мы с парнем пока комнаты оформим, ну а ты иди, зачем пришел.

Владимиров кивнул, вылезать не хотелось, он угрелся, а после теплой кабины воздух снаружи показался особенно ледяным, хорошо хоть, ветер почти перестал дуть. Открыв багажное отделение, вытянул крысу.

Громада Двора невдалеке возвышалась над прочими стро-

ениями. Двор был похож на куб, неизвестно зачем и неизвестно кем поставленный среди снежной пустыни. Владимир уже не раз бывал здесь. При приближении серые стены обрастали узорами множественных шестеренок, рычагов, каких-то кирок, молоточков, похожих на сороконожки прямоугольничков и других вещей, относящихся к царству техники. А вот чего среди изображений не наблюдалось – так это живых существ: ни человека, ни зверя, даже захудалого деревца или листика. Насколько слышал Владимиров, в других местах Дворы Чудес выглядели так же.

Кивнув попутчикам, закинув мешок на спину, кряхтя и переваливаясь, он зашагал к зданию.

Глава 20

- Подайте, подайте на новые ноги!
- На руки!
- На глаза!
- Уши!
- Нос!
- Пальцы!
- Средний палец!
- Кисть и ступню!

Вездесущие попрошайки конечно же были и здесь, возле Двора Чудес. В отличие от города не все они таким образом зарабатывали на жизнь, некоторые действительно копили на изменения, но вот как отличить одних от других? Например, этот старик без одной ноги и глаза действительно ли собирает на восстановление утраченного или пропьет подаяние в ближайшем кабаке?

Кроме попрошаек Двор притягивал иных персонажей.

– На все воля Атомных богов, тех, кто повелевают небесами, землей, воздухом и электричеством. Если боги забирают что-то, стократ они воздают в ином. Утративший конечность обретет в здоровье детей и внуков. Не гневите богов, – мы такие, какими они хотят нас видеть! – вещал пузатый коротышка на кривых ногах, и его блестящая лысина, несмотря на мороз, алела огнем собственной значимости оратора.

Благодаря тому же морозу или словам пузана слушателей у него было совсем немного.

– Принимайте с благодарностью волю богов, и они ответят вам тем же. Сказано в Писании: «Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что, сколько у одного тела отнимается, столько присовокупится к другому. Так, ежели где убудет несколько, то умножится в другом месте».

Надо сказать, ни на попрошайек, ни на горлопанов-критиков дворовики не обращали ни малейшего внимания. Их вообще мало волновало то, что происходило за стенами куба. Войны, эпидемии, смены правящих династий – изменения всем нужны. Единственная загадка, во всяком случае для Владимирова, была в том, зачем им все эти деньги и ценности, которые берут за изменения. А деньги немалые. Вялят они их, что ли?

У входа – квадратные двери, к дверям – очередь. Небольшая. Все расписано на несколько месяцев вперед. Сначала нужно приехать, заплатить и записаться; тебе назначат дату и время. Потом появляешься, когда назначили, иходишь внутрь. Над входом – цифры, те самые дата и время. Если неграмотен – твои проблемы, узнавай у прохожих, что именно означают эти закорючки.

Остроносый субъект с залысынами и черными бегающими глазками тут же подкатил к Владимирову:

– Не желаете ли ускорить? Есть свободные места на завтра, на следующей неделе, в месяце прериале.

Бизнес продажи мест в очереди – весьма прибыльное занятие. Тот, кто имеет лишние деньги, часто лишен терпения, пусть и в Писании атомников – терпеливость одна из добродетелей.

Инспектор отрицательно покачал головой и направился к боковине здания. Там была вторая дверь, откуда выходили счастливые измененные. Когда он дошел, дверь как раз открылась и выпустила привлекательную женщину. Привлекательную лицом, ибо то, что следовало ниже, мало понравилось инспектору. Вытянутое тело, намного длиннее, чем у среднего человека, облегающая ткань впереди пузырилась двумя рядами массивных грудей – от ключиц до пупка, нижние, правда, намного меньше верхних. Ниже пояса женщине приделали мохнатое тело и членистые ноги, похожие на паучьи лапы. Ловко перебирая ими, измененная прошла мимо Владимирова, оставляя того в раздумье, – что она переделывала в этот раз: грудь, ноги, а может, цвет глаз.

Рядом с широкими дверьми, откуда выходили измененные, примостилась маленькая дверца – для регистрации новых клиентов. Так как запись и оплата занимали времени существенно меньше, чем изменения, очереди здесь почти никогда не было.

Примостив мешок поудобнее, Владимиров потянул дверь на себя.

Войдя, инспектор почти сразу уперся в небольшую кон-

торку. Дверг, сидевший за ней, медленно окунул перо в чернильницу и, скривившись, взглянул на инспектора, словно оказывая тому величайшую милость. Во Дворах Чудес служили и люди, и эльфы, но заправляли неизменно дверги.

Этот был типичным представителем своего народа. Маленький, худое жилистое тельце и большая голова на тонкой шее. Самыми примечательными деталями были уши и нос. Уши, заостренные кверху, как у эльфов, но намного длиннее, почти до макушки, к тому же покрытые редкими курчавыми волосками. И нос, о-о – персонаж множества анекдотов, шуток и поговорок. «Длинный, как нос у дверга». «Носатый, как дверг». «Будешь везде совать – как у дверга вырастет». Венчал голову небольшой колпачок из зеленого сукна.

– Ну? – не очень вежливо поторопил потенциального клиента она-оно, ибо дверги были гермафродитами.

– Инспектор Владимиров – уголовная полиция Варосса.

Реакция дверга заключалась в том, что он слегка задрал бровь, правую.

– Вот. – Поднатужившись, Владимиров поднял мешок и вытряс его содержимое прямо на конторку. – Расследую серию убийств. Измененная – одна из убийц. Что можете сказать по этому поводу?

Дверг брезгливо потыкал в крысу кончиком пера, затем молча исчез в неприметной дверце за конторкой. Владимиров остался стоять с трупом крысы – дурак дураком. Что дальше? Уходить? Подождать?

По счастью, терзания не продлились долго, дверь снова открылась, появился конторщик, а с ним другой дверг с жидкой седой бородой – явно в окончательной мужской фазе, и колпачок на нем был красный.

– Имен клиентов мы не раскрываем! – Тон его был также далек от дружелюбного. Дверги вообще разговаривали так, словно оказывали собеседнику одолжение.

– Знаю, – вздохнул Владимиров. – Но убито уже одиннадцать человек. Мне поможет любая информация, которую разрешено открыть, – может, намек, зацепка...

Дверг внимательно осмотрел крысу.

– Это не наша работа! – бросил отрывисто.

– Э-э-э, то есть как не ваша? Тело, изменения, механика...

Где, кроме Двора Чудес, могли сделать такое? Да нигде!

– Не наша, – стоял на своем старый дверг, – это – Высшая воля.

– Что за Высшая воля? – Владимиров первый раз слышал о таком.

Но дверг уже развернулся и скрылся за дверкой.

– Что такое Высшая воля? – обратился Владимиров к молодому.

Тот кончиком пера указал ему на выход:

– И крысу свою заberi.

Глава 21

– ...Новые сани начали делать. Полозья – зухарский дуб, специально вымоченный, два отдельных котла с тройным кожухом, система клапанов – на манометр можно и не смотреть, все трубы – медные, на солнце блестят, аж глазам больно, а внутри... – Шейхер оседлал любимого конька, впрочем никогда особо не слезая с него. Сани, все о санях, – халдонийская кожа, рычаги медные, а рукоятки из того же дуба, и, главное, до чего додумались – снегоочистители! Щетка крепится над стеклом, покрутил рукоятку, щетка туда-сюда, и стекло снова чистое! Нет, каково, а!

Инспектор Владимиров медленно и старательно жевал, время от времен кивая, чего Шейхеру для продолжения разговора было более чем достаточно.

– Нет, ты представляешь – очистители стекла! Больше не надо вылезать, морозить задницу, и стоит все это...

Инспектор ел без аппетита. Посещение Двора ничего не дало. И ведь не надавишь на двергов! Осталось переночевать, а завтра – домой и продолжать расследование. Вот разве что в храме Знаний узнать, что означает «Высшая воля». Или, может, у местных поспрашивать, хотя бы у того же хозяина гостиницы...

Наружная дверь открылась, впустив немного холодного воздуха и снежинок – на улице начинался снегопад. Вошел

невысокий толстячок в меховой парке с капюшоном. Скинув капюшон, он принялся отряхивать снег. Лысая голова блистала в свете ламп. Владимиров узнал его – тот самый горлопан, который призывал довериться воле Атомных богов и не изменяться. Инспектор поднялся из-за стола, подошел к нему:

– Давно здесь живете?

Коротышка подозрительно его осмотрел.

– А чего?

– Хочу кое-что узнать, заодно и угостить ужином. Толстяк думал не долго.

– Давай.

– Двадцать, двадцать лет я отдал храму, а этот Камбод – носатый ублюдок – говорит: «Еще раз так сделаешь – выкинем наружу». Кого выкинуть – меня! Да пошел он, да пошли они все! Это не вы меня, это я вас бросаю! Так и сказал. Жалко, носатое рыло Камбоду не начистил напоследок.

Коротышку звали Анатолий, и он оказался из тех немногих людей, которые жили и работали во Дворе Чудес. Чем занимался Анатолий – Владимиров так и не понял, но понял, что тот очень обижен на Двор, отчего и остался здесь митинговать.

– Я, это, как его – некомпетентен. Это я некомпетентен! Подумаешь, записи перепутал, нога не такая получилась. Что с того! Пусть клиент будет доволен, что ему вообще ногу

прирастили, а не чего другого. Вот во Дворе Горендвальда, я слышал...

Заказал он немало, ел с аппетитом, что не мешало тараторить без умолку, даже Шейхера заткнул.

– Что такое Высшая воля? – успел вставить Владимирова.

– А?

Толю он застал как раз на вдохе для очередной гневной тирады в адрес Двора и dwarves. Толя, не жуя, проглотил очередную порцию тушеных бобов, рука потянулась к баранине.

– Во Дворе сказали, я показал им крысу, наполовину животное, наполовину – механизм, мне сказали – это не они, а воля.

– Ну... – Анатолий оставил баранину, почесал лысину жирными от мяса пальцами, отчего на ней остались блестящие полосы. – С полуночи до утра – время чудес, никто не знает, что там делается в костедробилке.

– Костедробилке?

– Ну, это мы ее так называли. Здоровенная комната, самая главная. В центре – машинерия, мы под нее подсовываем клиентов, и она делает все эти изменения. Только дверги ее обслуживают, да и те – из избранных, хреновы ублюдки. С нами даже не разговаривают!

– Вернемся к Высшей воле, – напомнил инспектор.

– Я ж говорю, ночь – время чудес, даже эти, из obsługi, уходят из комнаты. Бывает, машинерия молчит – отдыхает, а бывает, включается сама и выдает каких-нибудь уродцев.

Ваши крысы, может, как раз из таких.

– То есть непонятно кто, непонятно как и зачем включает эту вашу машинерию, и она делает измененных?

– В смысле – непонятно кто? Я ж говорю, сама включает-ся, в костедробилке ни души.

– Но кто-то же ее включает.

– Бог, – серьезно ответил Анатолий.

– Какой бог? Атомный? Радий? Экс или, может, Уран?

– Я почему знаю, бог – он и есть бог и машина его. Вот и пользуется, а может, скучно ему, забавляется так.

Шейхер, как и кочегар, хранил молчание, слушая небезынтересный разговор.

– Следующий вопрос. – Да что ж это за расследование такое! Чем больше узнаешь, тем запутанней. Обычно – наоборот. – Пусть бог, но крысы в моем случае – крысы, изначально-ные, живые, кто-то же должен принести их во Двор для изменений.

– Так прошлые измененные и приносят. Какие только уроды не получают ночью. Есть совсем без плоти – сплошная машинерия. Не знаю, где они прячутся днем, а ночью вылазят. Крыс не видел, а кого с улицы, из попрошаек у Двора, бывает, хватают. Потом могут вернуть, уже здоровым или еще худшим уродом. Одного парня – жуть – будто наизнанку вывернули, желудок, сердце снаружи, от них какие-то трубки идут, вместо легких – меха и головы нет, совсем – обрубок шеи, и только. Но он еще полгода прожил и даже сооб-

ражал... чем-то, вот только говорить не мог, руками махал. А бывает, пропадают люди совсем, забирают – и не возвращаются. Одно слово – Высшая воля.

Слово было не одно, но Владимиров не стал умничать. Если дверги не соврали и его крыса – Высшая воля, тогда получается... ерунда получается. Всех этих людей убивает бог? Какой? И как с этим идти к Советнику?

Глава 22

– Отряд у храма Валаала занял места.

– Рауль, вместе с дружинниками закончили с машинерией.

– Как там на авеню масок?

– Подвозят, ребята на подходе!

Участок походил на растревоженный улей. Все куда-то бежали, что-то кричали, решали, доказывали.

– А я говорю, весь цех! Сам проверю, если хоть один не выйдет, хоть одна крыса проскочит, лучше бегите из Варосса сами. Или в тюрьму сами, все ясно?

Сновали курьеры, чтобы, отчитавшись и получив указание, припустить обратно.

Его не было двое суток, а такое чувство, что год. Инспектор Владимиров поймал пробегающего мимо Ульрике.

– Что, что случилось? Враг у ворот? – Хотя он сам недавно от ворот и никакого врага не видел. Может, тот подходит с другой стороны?

– Облава на крыс! Приказ Советника.

– В каком смысле – облава на крыс? На каких крыс?

– На городских, каких же еще? – удивился Ульрике.

– Всех?

– Ну да, атомные какую-то машинерию подогнали, она просто по улицам ездит, а крысы в округе как мертвые де-

лаются. Ну, не совсем мертвые, оживают потом, нам только собирать успевай, ну и выносить. Всех подняли, даже гильдийцев и военных. Ювелиры взялись было протестовать, но Советник их живо приструнил, теперь лазят по канализациям как миленькие.

– Но... почему?

– Как – почему? Это ж они людей убивают.

Кабинет капитана Кареллы походил на ставку главнокомандующего во время решающей битвы.

– Как в квартале гончаров?

– Вроде всех собрали.

– Вроде или всех?

– Ну, всех. Они в подвале лавки Юэня спрятаться хотели, одного из работников туда выпить потянуло, пока дом без хозяина, а там...

– Без подробностей. Машинерия сейчас где?

– По Красным Фонарям ездит.

– Да уж, она наездит! – гоготнул кто-то.

Комиссар строго посмотрел, и шутник заткнулся. Владимир терпеливо ждал в стороне, пока толпа рассосется. Карелла его заметил.

– Вернулся уже. Вливайся!

– Почему крысы? – Он помнил ночной разговор с их королем, заверения двухголового, что к убийствам крысы непричастны.

– А кто? На месте убийства поймали крысу, какие тебе еще доказательства.

– Измененную.

– Да какая разница, крыса – она и есть крыса! – Капитан окинул взглядом присутствующих в кабинете: – Ну-ка, оставьте нас.

Подчиненные послушно вышли.

– Понимаешь, – несмотря на то что они остались одни, Карелла перешел на шепот, – слухи давно ходили, но в последнее время... докатились до того, что убийств было больше сотни и всех сначала изнасиловали, а потом съели.

– Крысы? Изнасиловали? Как? Чем? – Владимиров понимал, кто распространял слухи.

– Да хоть хвостами! Нашим людям только повод дай! А тут еще крысы пару складов с зерном обнесли. Кто-то заорал, что будет голод, лавки начали громить. Ну, Советник и решил одним махом и убийства, и врага общего людям дать, крысы уже давно всех достали.

– Крысы-то, может, и достали, да только убивают не они.

– Они, не они, какая разница! Приказ начальства, а приказы – сам знаешь. Одним словом, включайся. В квартале стеклодувов набрали целую гору серых, а вывозить нечем. Поспеши к кондитерам, экспроприируй именем герцога их хлебозовки, и к стекольщикам, к горе.

– Крыс? Хлебными экипажами?

– Дело говоришь! Ребят возьми покрупнее, вдруг конди-

теры заупрямятся.

Глава 23

– Г... где мы? – Остроухая голова оторвалась от скамьи, глаза усиленно моргали.

– А ты не помнишь? – Злость не то чтобы прошла, но заметно поубавилась.

Правы мудрецы – время лечит.

– Нет. – Тахл сел на скамье, обозревая помещение. – Очень походить на тюрьму Сегданы... о – я вспомнить! Сегдана... тюрьма... что я там делать? Нет, не вспомнить... все как в тумане...

Даниил вздохнул, как там говорил воспитатель Кабалин в приюте: «Не желаешь неприятностей – не делай добра». Жаль, жаль, что мудрость речей старого Сэма Кабалина только сейчас достигла сознания нерадивого воспитанника. Старина Сэм, он заставлял воспитанников читать книги, свитки – древние и не очень. Потом выпрашивал, что те поняли из прочитанного. С пристрастием. Воспитанники ненавидели его за это. Но многие прочитанные мудрости и слова засели в голове Даниила, иногда даже помогая.

Он посмотрел на эльфа – безобидный парень, и не скажешь, что какое-то время назад устроил настоящий дебош в таверне. Эх, знал бы – смотался бы еще до начала трапезы... вообще не ходил бы.

– Угадал – в тюрьме. Не совсем в тюрьме, в участке, но

от этого не легче.

Рыцарь с девушкой и троица рабочих сидели здесь же – в соседних камерах. По счастью, от него с Тахлом других арестованных отделяли толстые прутья решетки. Ибо взгляды, которые кидали мастеравые...

Патрульные замели всех, щедро раздавая удары и молнии дубинками. Особенно после того, как эльф врезал мастеровому, товарищи которого полезли в драку. Рыцаря с девушкой – как свидетелей. В участке особо разбираться не стали, и они почти сразу оказались в соседней клетке. А не стали потому, что в городе что-то случилось. Слово «крысы» не переставало звучать.

– Тюрьма? – Эльф замотал головой. – Но как, за что?

– Он издевается! – вспыхнул один из рабочих. – Дай только выбраться, уж я живо тебе память вправлю, эльфийское отродье! Нажрался, как, как...

Склонив голову набок, Тахл внимательно слушал парня.

– Не помнить. Это, наверное, из-за дрожжевых грибков, что содержатся в том напитке. Нам, камбервельцам, нельзя дрожжевые грибки, кажется... происходит процесс ферментирования... О! Я – с Камбервела! Вспомнить! Планета так называться, столица... – Эльф обхватил голову руками. – Нет, не помнить.

– Дурачком прикидывается, – со знанием дела кивнул один из рабочих.

– Прошу простить меня, оттого что влезаю в вашу бесе-

ду, однако не знаете, долго ли нас здесь еще... э-э-э... будут удерживать. Я... мы торопимся.

Все оглянулись. Говорил рыцарь. Полумрак камеры не позволял рассмотреть его, как и спутницу, которая по-прежнему куталась в темный плащ и хранила молчание.

– Это уж как повезет... как повезет, – вздохнул мастеровой.

Даниил засунул руку в карман, нащупав кругляшки золотых, порадовавшись в который раз, что их не обыскали.

Глава 24

Городская тюрьма Варосса – какие только тайны не окружали ее. Говорили, по тюрьме до сих пор бродят призраки Романа и его брата Глеба – замученных пытками Гуго I Кровавого. Тот же Гуго I заточил в это самое узилище двух из десяти своих жен. Одну – за измену, вторую за то, что не могла иметь детей. Изменницу, говорят, замуровали живьем в одной из стен. Шепотом, но вот уже много лет передают из уст в уста легенду о Бархатной Маске – узнике высокого происхождения, заточенном здесь без суда и следствия. Лицо несчастного никому нельзя было видеть под страхом смерти. Кем только не считали узника – и братом-близнецом Гуго V, и любовником Гуго IV Мирного, и даже герцогом де Бофором, который пропал без вести во время битвы при Ираклионе. Мальчишкой, Владимиров уже слышал эту историю, так что если подобный заключенный и был на самом деле, то сейчас он глубокий старик или давно умер.

Говорили, что видимая часть здания – это только малая толика того, что скрывается под землей. Как водится, подземные этажи упирались в крышу преисподней, а потайные ходы достигали Двора Чудес и даже эльфийского Равенора.

И, спускаясь все глубже и глубже бесконечными лестницами, инспектор Владимиров почти верил всем этим байкам. Еще бы проклятые колени не болели. Атомные боги, да кто

ж делает такие высокие ступеньки! Для кого! Не иначе, для мучения несчастных инспекторов!

Владимиров не в первый раз посещал тюрьму, но всякий раз до этого, едва переступал порог, его охватывало желание поскорее выйти, выбраться отсюда. Иногда комендант, маркиз де Лонэ, радушным хозяином приглашал инспектора к себе в кабинет попить чаю, отобедать, просто поболтать, и всякий раз Владимиров отказывался. Ну не мог он заставить себя находиться в тюрьме дольше необходимого. Страх, страх, что когда-нибудь по поводу или без можешь очутиться за этими стенами не как посетитель. Поэтому – бежать, пока можешь выйти, бежать, как можно скорее. Похоже, де Лонэ это понимал, так как не очень настаивал и, кажется, не обижался.

– Сюда. – Охранник указал на одну из дверей, ничем не выделяющуюся в чередке таких же в стенах полутемного коридора. Едва слышный визг доносился с той стороны двери. Когда он потянул дверь на себя, визг усилился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.